

*За четырнадцать
дней до войны...*

МЕЖДУНАРОДНЫЙ КУЛЬТУРНО-ПРОСВЕТИТЕЛЬСКИЙ
СОЮЗ «РУССКИЙ КЛУБ»

Тбилиси 2008

Издатель – Международный культурно-просветительский
Союз «Русский клуб»

Издание осуществлено при поддержке
Благотворительного фонда «КАРТУ»

Руководитель проекта Николай Свентицкий
Составитель Инна Кулишова

© «Русский клуб»
ISBN 978-9941-0-0828-3

www.russianclub.ge
rusculture@mail.ru

ЗА ЧЕТЫРНАДЦАТЬ ДНЕЙ ДО ВОЙНЫ...

По материалам Международного
русско-грузинского поэтического фестиваля - 2008

Абдуллаев Шамшад	Литвинова Наталия
Алехин Алексей	Лопухина Ирина
Аллева Аннелиза	Макаров Артур
Амелин Максим	Мамедов Ниджат
Баазов Натан	Маркиш Давид
Герасимов Александр	Маркова Римма
Гомелаури Нико	Поликанина Валентина
Гонашвили Маквала	Попова Надя
Грицман Андрей	Ратиани Звиад
Джорджанели Ника	Ртвелиашвили Зураб
Иаташвили Шота	Саришвили Владимир
Иванова-Верховская Елена	Синельников Михаил
Игнатьева Мария	Строцев Дмитрий
Исаева Елена	Тархан-Моурави Нина
Канева Олеся	Тимофеев Сергей
Квижинадзе Заур	Херсонский Борис
Кенжеев Бахыт	Чарквиани Джансут
Кобрин Юрий	Чихладзе Давид
Шульпяков Глеб	

Жажда общения для людей, наверное, самая неутолимая. Недаром Сент-Экзюпери называл «роскошь человеческого общения» высшей роскошью на земле. А если это общение поэтов – тем более.

Поэтический фестиваль, на каком бы языке ни говорили люди, дарит эту роскошь. В Грузии уже во второй раз прошел Международный русско-грузинский поэтический фестиваль. Он был шире и масштабнее по сравнению с первым фестивалем 2007 года и по географии и по звездному составу участников. Собрались поэты из 25 стран мира, одни не раз бывали здесь, для других Грузия стала открытием – и географическим, и человеческим, и поэтическим. Благо с поэзией Грузии гостей познакомили с присущей им щедростью грузинские поэты, также участвовавшие в фестивале.

Стихи лились рекой на двух языках, а иногда еще на испанском, азербайджанском, узбекском или итальянском, в зависимости от места рождения поэтов. Хотя национальность в данном случае никакого значения не имела – будь то Никарагуа, Израиль или Канада. По Есенину, «поэты – все единой крови».

Фестиваль-2008 был приурочен к двум знаменательным датам: к 115-летней годовщине со дня рождения Владимира Маяковского и 80-летию со дня рождения Нодара Думбадзе. Поэтические праздники прошли везде, где побывали участники фестиваля – Тбилиси, Кутаиси, Батуми, Сигнахи, Гонио... Поколесить по Грузии им удалось. Их ожидало ласковое море, скалы и водопады Аджарии, древние

храмы и песнопения. Программа была обширная и многожанровая. Везде гостей встречали тепло и сердечно, всюду звучали народные грузинские песни и буквально ошеломляли своей чеканной пластикой грузинские танцы, особенно в исполнении детей.

Участников фестиваля принял Католикос-Патриарх всея Грузии Илия Второй. Благословение фестивалю прислал и Патриарх Московский и всея Руси Алексей Второй. Фестиваль получил большой резонанс в прессе, о нем писали далеко за пределами Грузии.

Расставаясь с этой землей, поэты могли бы твердить вслед за Евтушенко «Тбилиси из тебя не уезжает,/ когда тебя в дорогу провожает». Казалось, эхо фестиваля будет звучать долго и только на восторженно-лирической волне. Так оно и было бы... Но август 2008 перевернул все. Фестиваль закончился за 14 дней до войны.

Ни один участник фестиваля не остался равнодушным к трагическим событиям, произошедшим у нас в августе. Нам звонили, писали, постоянно были в контакте со своими друзьями и коллегами. Поэты из разных стран откликнулись на общую беду стихами и статьями. Они не могли остаться безразличными. И сейчас продолжают писать о Грузии, что для нас очень дорого и важно. Никто и ничто не в силах изменить наши человеческие и творческие отношения, завещанные нам великими предшественниками великой литературы. Сохранению и развитию их служит наш фестиваль.

А поэтическое слово остается на века.

Николай СВЕНТИЦКИЙ

*Учредитель и официальный представитель
Международной федерации
русскоязычных писателей в Грузии*

ПОЛИКАНИНА ВАЛЕНТИНА (БЕЛОРУССИЯ)

За четырнадцать дней до войны

Иноверцы, владельцы казны,
Дали выкуп воинственным людям,
И к безбожному маршу орудий
Подготовился стан сатаны.

За четырнадцать дней до войны
Были мирными тропы-дороги,
И купались лучи-недотроги
В белой пене прибрежной волны.

Были мысли желаний полны,
И хотелось смеяться и верить.
И сквозняк не распахивал двери
За четырнадцать дней до войны.

По пустым подворотням страны
Смерть не шастала дикой собакой.
Мать не слепла, ребенок не плакал
За четырнадцать дней до войны.

За четырнадцать дней до войны
Над убитым не выли старухи,

Не сходили с ума от разрухи,
От беды и вселенской вины.

Не «пророчили» волю лгуны.
Грех не рушил кресты на погосте,
Не топтал православные кости.
За четырнадцать дней до войны...

Души не были адски черны.
Не шаманили дьявольски пули,
Кровь не пили, беснуясь в разгуле,
Не врывались погибельно в сны.

За четырнадцать дней до войны
На людей, зло шагающих «в ногу»,
Бог смотрел укоризненно строго,
И земле были жизни даны.

За четырнадцать дней до войны...

Из цикла стихов «Грузинский дневник»

АБДУЛЛАЕВ ШАМШАД (УЗБЕКИСТАН)

Родился в 1957 г. Поэт, прозаик, эссеист. Окончил факультет русской филологии Ферганского педагогического института. Автор нескольких книг стихов, в т.ч. «Промежуток» (1992), «Медленное лето» (1997), «Неподвижная поверхность» (2003), книги прозы и эссе «Двойной полдень» (2000). Заведовал отделом поэзии журнала «Звезда Востока». Редактор сетевого литературного альманаха «Припоминающийся дом». Лауреат премии Андрея Белого (1993), премии «Глобус» журнала «Знамя» (1997) и Русской премии (2006).

Конец города, сон

Вот, сказал он, Арно, чума зеркал, иная –
Река самоубийц. Чуть гредишь. Воздух
И мы там, вязнущие в улье углов глинобитных. Улиц
Глубь сечет летний свет. Столько
Скрытых слагаемых и полуденный спазм – будто
В оконную опухоль вихрятся нумидийские стрелы. Сейчас
Удушье делится на каменистый хлам
За дверью, кошачий взгляд,
Мозолистые стены и флорентийский фильм
Весь в пятнах гелиофобии. Через
Комнату луч меряет желчный
Ворс под ногами и донимает
Капризной чертой сжатые губы
Или сеет в них легкий бред:

Italiam, Italiam, и тает гипноз. Никнет
Южный морок в наши подглазья, в кору
Спекшейся лавы; мы здесь. Мужчины и ландшафт вдали
Расходятся, как пепел.

Лето: сон

Тяжелый, искрящийся аромат полуденного солнца, но
Пчела ударилась о белую стену, словно
Вылетела из накалившегося термометра; мгновение
Переходит в миг. Я заметил
Мужчину, похожего на
Дилана Томаса: (руки в карманах) пересекает пустырь,
Консервные банки, и яркий зной бодрствует над
Шаблонным прахом. Поодаль
Стоят загорелые, грязные, вялые дети – молчат,
Будто льстят задыхающейся тишине. В такую минуту
Промолвить слово труднее,
Чем принять переплетение поваленных бревен
За трупы влюбленных; ослепление, бегство. Рой мух
Беснуется в золотящемся дыме.
В светлой комнате на полированный стол
Опустилась пчела, готовая стать
Ощущением времени. Я проснулся; под шиферной крышей
Скворец безумно трещал:
Сгинь, сгинь.

Записка

Всегда рано в любом возрасте,
И перечный извив пестрит на тюбетейке, пиета
Или зобатое чучело биби-Мариам
На кишлачном балконе.
В четырехпалой руке точильщика
Посреди подметенного подворья плавится желчный кастет.
Я почти слышу твой голос – одним
Трепетом меньше – перед линией моря
В гостиничном окне, оттуда, из Торе-дель-Греко.

Зов

Золотой вечер вне города.
У зернисто-пыльной колеи бесцветная поляна,
обглоданная кое-где ступнями мнимых бродяг,
лежит под ногами двоих. Они стоят
неподалеку от озера, как если бы озеро
могло лишь там находиться,
немного поодаль от них,
словно первый огромный предмет за пределами
их существа; он и она
стоят, почти обнявшись и все же
не касаясь друг друга так долго,

что эта длительность и есть
одно-единственное прикосновение. Их руки
проворно взмывают,
вращаются, вертятся. Пальцами
они что-то нервно цепляют, но это
все те же пальцы. Потом волнует нечто иное
(теперь уж едва ли покажется, что рукам
не хватает свежего воздуха):
мечутся руки в пространстве,
точно тебя пытаюсь найти и связать
с этой реальностью, ищут тебя,
в то время как ты
проходишь мимо по травянистому берегу
с лицом – будто краденым и чужим оттого,
что оно в воде отражается...
Любовная пара: немые.

Фергана 2005г.

АЛЕХИН АЛЕКСЕЙ (РОССИЯ)

Родился в 1949 г. Поэт, критик, эссеист. Окончил факультет журналистики МГУ. Член Союза журналистов Москвы, Союза российских писателей и Союза писателей Москвы. В 1993 г. основал первый в истории российской словесности «толстый» поэтический журнал «Арион», главным редактором которого является по настоящее время. Один из создателей и ведущих мастеров современного русского свободного стиха. Активно разрабатывает новый для русской поэзии жанр «поэтических путешествий». Автор книг стихов и прозы. Регулярно печатается в журналах «Новый мир», «Знамя», «Дружба народов», «Арион», «Вестник Европы» и др., а также за рубежом. Стихи и статьи переводились на многие языки мира. Лауреат художественной премии «Петрополь» (Санкт-Петербург, 2004).

Велосипед в витрине спортивного магазина

Никелированный рог его руля
красиво изогнут,
в ободке фонаря отражается улица,
цепь масляниста,
а лак и металл сверкают,
и черны нетронутые асфальтом шины.

Его жаль,
как выросшего в зоопарке зверя.

Наука терпения

Учись терпению у дерева,
у китов, запасающих дыхание на целую эпоху,
и водопроводных труб,
что ржавеют и мокнут в земле,

терпеливое пищеварение травоядных
может научить тебя многому,

а не хочешь,
оставайся нетерпеливым, как человек.

Одними губами

С торговкой я повздорил нынче утром
за то, что в букете
недоставало жужжащей пчелы.

Тебе
на весенний сквозняк,
где только еще оживают скелеты деревьев,

принесу этот замысел синий июньского неба
и схитрю:
выпуская из рук
выдохну «пчела» одними губами.

Полет бабочки

похож
на брошенный зигзагами по траве складной деревянный метр
Иосифа-плотника

Каникулы стихотворца

Регулярный французский парк напоминает сонет.
Английский – расчетливый беспорядок верлибра.
Весь август редактировал дачный клочок: пропалывал спондеи,
засевал пиррихий,
секатором прорубал цезуры. Кое-где спилил, поделив на строфы.
После все равно зарастет разговорной речью.

Смерть новобранца под Урус-Мартаном

в слове «человек»
застряло слово «пуля»

Последняя дверь

умер брат
больше нет никого
между мной и той дверью

латунная ручка
болтается как в коммунальной уборной
краска «под слоновую кость» облупилась
гвоздем нацарапано «сука»

вот распахнется
и шагну в пустоту

Отбытие

он обернулся
но уводящие его ангелы уже почти загородили крыльями лицо

так когда поезд тронулся
проводящие заслоняют оставшуюся на перроне

Море

Отлив, прилив, отлив...
И не надоест?

АЛЛЕВА АННЕЛИЗА (ИТАЛИЯ)

Родилась в 1956 г. Поэт, эссеист, переводчик. Автор поэтических сборников. Стихи публиковались в журнале «Звезда». Целиком перевела на итальянский прозу А.Пушкина, «Анну Каренину» Л.Толстого, выпустила антологию русской современной поэзии и прозы. Занимается литературным анализом произведений А.Пушкина, М.Цветаевой, И.Бродского, Б.Рыжего. Преподает литературный перевод с русского языка в Первом Римском университете.

A Zviad, Šota, Zurab

Capisco la cantilena stanca delle donne
coi cappelli ingialliti dal sole.
Vendono le loro bibite con discrezione.

E invece non capisco la lingua dei ciottoli.
Sento solo fra i denti il loro lagno.
E neppure la lingua dei tre amici mai soli.

So che fremono quando l'onda li bagna.
Che sono merli della stessa fortezza:
anche coi crolli puoi ricostruire il disegno.

Resisteranno su questa riva, a questa brezza.
Tirane uno, si depositerà poco oltre.
Che nessuno li toccherà, solo la carezza.

Che sono legati, senza nodi a stringerli,
non riuscirai a scorgere nessuna rete.
Se ami uno – anche gli altri.

E se uno ama – anche gli altri te.
Il mare lievita e si frange.
E la sua stanca cantilena li disseta.

Batumi-Roma 2008

Звиаду, Шоте, Зурабу

Я понимаю усталый напев женщин
со шляпами, пожелтевшими от солнца.
Они продают свои напитки скромно.

Но не понимаю языка камней.
Только ее жалобу слышу через зубы.
Тоже – языка трех, никогда не одних, друзей.

Я знаю что дрожат, когда волна их касается.
Что они – зубцы той же самой крепости:
даже обвалами ты можешь перестроить рисунок.

Они останутся на этом берегу, на этот ветер.
Брось одну, она осадится чуть дальше.
Что никто их не тронет, только ласка.

Что они связаны, но никакого узла их не сжимает,
не можешь разобрать никакой сети.
Раз ты одного любишь – и других.

Раз один тебя любит – и другие.
Море поднимается и разбивается.
И его усталый напев утоляет жажду.

Батуми-Рим 2008

АМЕЛИН МАКСИМ (РОССИЯ)

Родился в 1970 г. Поэт, переводчик. Окончил коммерческий колледж. Учился в Литературном институте им. А.М. Горького. Стихи печатались в журналах «Новый мир», «Знамя», «Октябрь», «Арион» и др. Автор трех книг стихов, переводчик античной поэзии. Автор статей о русских поэтах и ряда эссе о поэзии. Лауреат премии «Антибукер», премии журнала «Новый мир», поэтической премии «Anthologia» и большой премии «Московский счет». Стихи переводились на многие языки мира.

Долго ты пролежала в земле, праздная,
бесполезная, и наконец пробил
час, — очнулась от сна, подняла голову
тяжкую, распрямила хребет косный,

затрещали, хрустя, позвонки — молнии
разновидные, смертному гром страшный
грянул, гордые вдруг небеса дрогнули,
крупный град рассыпая камней облых,

превращающихся на лету в острые
вытянутые капли, сродни зернам,
жаждущим прорасти все равно, чем бы ни
прорастать: изумрудной травой или

карим лесом, еще ли какой порослью
частой. — Ты пролежала в земле долго,
праздная, бесполезная, но — вот оно,
честно коего ты дождалась, время, —

ибо лучше проспать, суетой брезгуя,
беспробудно, недвижно свой век краткий,
чем шагами во тьме заблуждать мелкими
по ребристой поверхности на ощупь,

изредка спотыкаться, смеясь весело,
проповедуя: «Все хорошо, славно!» —
потому-то тебя и зовут, имени
подлинного не зная, рекой — речью.

Поспешим
стол небогатый украсить
помидорами алыми,
петрушкой кучерявой и укропом,
чесноком,
перцем душистым и луком,
огурцами в пупырышках
и дольками арбузными. — Пусть масло,

как янтарь
солнца под оком, возблещет
ослепительно. — Черного
пора нарезать хлеба, белой соли,

не скупясь,
выставить целую склянку. —

Виноградного полная
бутыль не помешает. — Коль приятно

утолять
голод и жажду со вкусом! —
Наступающей осени
на милость не сдадимся, не сдадимся

ни за что. —
Всесотворившему Богу
озорные любовники
угрюмых ненавистников любезней.

«Храм с аркадой»

В Судакской крепости, если от Главных
ворот — налево — 'до локтя стены —
и вверх, особым на первый праздному
зеваче с виду ничем не приметный,
с торчащего зубом во рту столпа
единственным и с полушарием купола

по-над осьмигранником кратковыйным,
сей дом Господень, куда чередой

в устах отверстых с молитвами мирными
одни за другими, что на берег волны:
из диких нахлынувшие степей
законопослушники Магометовы

петь «Ля илляха илля-Лла» протяжно;
по зыбкому от Лигурийских пучин
пути пришельцы искусственно
свой строгий отчетливо «Патэр ностэр»
на мертвом наречии повторять;
со «Шма Израэль» далекой изгнанники

земли, во всем полагаясь на свиток,
чьи буквы ведомы наперечет;
пространств на суше завоеватели
и на море, «Отче наш» возглашая,
крюкам доверяться и знаменам;
простых прямые Мартина грозного

писаний наследники с «Фатэр унзэр»;
единоприродным Вышнего чтя,
из зланных вкруг древней Ноевой пристани
юдолиц выходцы, дабы страстно
«Хайр мэр» твердить и лелеять грусть,
рассудку низкому неподвластную, —

все были некогда здесь, а ныне —
в открытый с восьми до восьми музеев,
где фрески, михраб и разноязычные
по стенам надписи, вход свободный,
и внемлет мольбам одинаково Бог
всего разобщенного человечества.

БААЗОВ НАТАН (ГРУЗИЯ)

Родился в 1934 г. Поэт. Окончил физический факультет Тбилисского государственного университета им. И. Джавахишвили. Академик по отделению биоэнергоинформатики Инженерной академии Грузии. Член Союза писателей Грузии, председатель секции русских литераторов. Автор книг поэзии, переводов, прозы. За переводы грузинской поэзии удостоен ряда премий и наград: Премия комсомола Грузии (1985), Национальная премия им. Г. Леонидзе (1993), Государственная премия Грузии в области художественной литературы (2005). Кавалер Ордена Чести.

Песня о Нико

В сиреновой рани Курой на плоту
Нико Пиросмани плывет в темноту...

А в дымном духане творится легко.
Нико Пиросмани, спокойный Нико.

На ослике мальчик. Доярка. Рыбак...
А счастье маячит за кучкой зевак.

Косуля багрова, и красен олень...
Без хлеба, без крова. Судьба набекрень.

В сияющей рани на утлом плоту
Нико Пиросмани плывет в пустоту...

По черной клеенке крадется медведь.
Фанерке, картонке в веках не истлеть.

И женщина с пивом, и строгий кутеж...
Он был молчаливым – мятежный, как дрожь.

Туманились дали – в добре и во зле.
Он умер в подвале. В могиле? В земле...

И кадры лишь эти я в песню вплету:
Нико по планете плывет на плоту...

Чтоб вернуться к людям...

Михаилу Джавахишвили

Дух народа – он непобедим.
Стала жизнь отрадней и светлей...
Не столетним старцем – молодым
ты остался в памяти моей!

От простых пылинок до миров
все уносит времени река...
Был же где-то твой последний кров
и твоя последняя строка!

Наши предки спорили с судьбой,
прорывались гордо сквозь года
и вставали в свой последний бой,
чтоб вернуться к людям навсегда...

Высь – в огне, и свет – в любом окне.
Из-за дальней солнечной гряды
скачет в мир на сказочном коне
твой и наш – Арсен из Марабды!
1981

Я в Тбилиси родился

Я в Тбилиси родился, в Тбилиси живу.
Добротой его полнось и светом лучусь,
и навек приобщен я к его торжеству –
беспокойных сердец и бесчисленных муз...
Что-то шепчет таинственно старый платан.
По балконам струится минувшего вязь...
Этот город сегодняшний каждому дан,
в нем с грядущим намечена четкая связь.
О Тбилиси написаны тысячи строк,
он на ста языках вдохновенно воспет...
Он к поэтам взыскателен, нежен и строг,
Он лелеет – певцами оставленный след.
Может, сказано все, может лира не та,
но сказать я о нем своего не смогу.
Знаю, время придет, отойдет суета –
перед небом его я останусь в долгу...
В нем я рос и влюблялся, любил и люблю.
Он со мной и во мне, навсегда, до конца.
Верю – плыть в беспредельность его кораблю
сквозь лазурные зори, года и сердца.
Этот город меня наполняет огнем,
наполняет надеждой мои паруса...
Я творю. И мечтаю всегда об одном:
В час последний увидеть его небеса.

ГЕРАСИМОВ АЛЕКСАНДР (РОССИЯ)

Родился в 1978 г. Руководитель Департамента PR и связей с общественностью МФРП. Окончил Московский государственный технический университет имени Н.Э. Баумана. Обучался в Литературном институте имени А.М. Горького (заочная форма) на семинаре поэзии. Вышла книга стихов «Стиходрамы». Работал сценаристом на телевидении. Руководил пресс-службой Департамента природопользования и охраны окружающей среды города Москвы. В настоящее время штатный консультант Пресс-службы мэра и Правительства Москвы. Сотрудничает со многими печатными изданиями. Член Союза писателей Москвы, Союза журналистов Москвы, Союза журналистов России, Международной федерации журналистов, Международного литературного фонда.

Начну с того, что этот фестиваль проходил уже второй год подряд. Масштаб его, конечно, увеличился. Резонанс, им вызванный, – тоже. Правда, сейчас, после агрессии грузинской армии против мирных жителей Южной Осетии, после ужаса, который через телевизор пришел в каждый дом на планете, стало очевидно, что потенциал добра поэты не смогли передать политикам Грузии. К великому сожалению грузинские политики глухи к рифмам. Это не внушает оптимизма, но следует признать необходимость идти дальше: теперь деятели культуры, которые чувствуют личную ответственность за светлое будущее Грузии, Абхазии, Южной Осетии и, конечно, России, должны с утроенной силой строить мосты друг к другу. Необходимо наращивать любые совместные межкультурные проекты, чтобы молодежь чувствовала близость народов, которые испокон веков жили рядом, чтобы будущие поколения не могли разделить

никакие внешние факторы, чтобы люди, будь то русские или любые народы Кавказа, жили в мире. Именно поэзия действует в противовес политическим амбициям. Именно Слово способно нести добро и лечить души. Поэтому я воспринимаю прошедший Международный русско-грузинский фестиваль как миссию мира.

Умные политики всегда понимали, что тесное общение между представителями творческой интеллигенции различных государств является неплохой возможностью для развития экономических и политических связей. Москва и Тбилиси – не исключение. Я уверен, что мир будет достигнут, потому что грузины и русские – великие нации, которые уважают друг друга, это два православных народа. А что касается литературы, то Кавказ всегда был для русской литературы сакральным местом. Достаточно назвать имена великих русских писателей, биографии которых сплелись с Кавказом неразрывно: Пушкин, Грибоедов, Лермонтов... А позже – Пастернак, Заболоцкий, Ахматова, Межиров, Евтушенко... Российские литераторы понимали, что у грузинской литературы, которая возникла еще в V веке, есть чему поучиться. Наверняка, многие слышали крылатое выражение: «О Грузии забыв неосторожно, в России быть поэтом невозможно». Неслучайные слова, точные. Поэтому спасибо тем, кто сделал искусственное дыхание литературному общению грузинских и русских поэтов.

Надеюсь, что плодами прошедшего фестиваля (а должны выйти книги с новыми переводами на грузинский и русский языки) все-таки смогут воспользоваться московские и тбилисские чиновники, отвечающие за международные отношения. Лишь бы не было войны.

В Грузии было много замечательных поэтов! Прежде всего – Шота Руставели, поэтический гений которого раскрылся еще в XII веке. Позже, в XIX веке, творила целая плеяда замечательных поэтов-романтиков: Александр Чавчавадзе, Григол Орбелиани, Николоз Бараташвили, Вахтанг Орбелиани... Совершенно обособленно стоит поэт Илья Чавчавадзе... Все это я говорю к тому, что поэтическое слово в Грузии всегда звучало и всегда очень высоко ценилось. И в России в том числе!

Еще я хочу отметить очень важный момент, который сейчас уже потерялся в новостных блоках, но имел место быть: к прошедшему фестивалю организаторам удалось найти деньги на восстановление дома-музея, в котором родился Маяковский.

Скажу о том, что стало для меня наиболее ярким впечатлением от фестиваля. Это, безусловно, аудиенция у Католикоса-Патриарха всея Грузии Илии II. Он принял нас в своей резиденции, мы читали Святейшему свои стихи. Илия II напомнил всем о ценности каждой человеческой жизни, а также, в целях укрепления мира, передал в дар России две иконы. Я знаю, что Международная федерация русскоязычных писателей в ближайшее время передаст одну из дарованных икон московскому храму. Предполагается, что это будет храм, в котором венчался великий русский поэт Александр Пушкин. Будем надеяться, что этот символический жест поможет остановить братоубийственную бойню навсегда и станет гарантом мира. Я верю в лучшее. Да поможет нам Бог!

Перейти эту жизнь, это минное поле,
По родительской или по собственной воле
И добраться до самой последней межи,
Не спеша, все, что пройдено было, итожа,

Не всегда удается... Крути, не крути...
Потому что еще при начале пути
Намечаются будущие виражи,
И на каждый из них есть веление Божье...

ГОМЕЛАУРИ НИКО (ГРУЗИЯ)

Родился в 1970 г. Актер, поэт. Окончил Тбилисский государственный университет театра и кино им. Ш. Руставели. Ведущий актер «Свободного театра» и Тбилисского государственного русского драматического театра им. А.С. Грибоедова. Автор поэтических сборников на грузинском и русском языках. Телеведущий на канале «Имеди». Лауреат премии им. К. Марджанишвили.

Когда поэты вместе,
когда слагают строки,

нет времени для лести,
нет времени для склоки...

Когда поэты вместе,
когда в руках палитры,
не хватит граммов двести,
понадобятся литры...

Когда поэты вместе,
когда витают рифмы,
не будет все на месте
и Муза станет нимфой...

Когда поэты вместе,
когда собой гордятся,
все хорошенько взвесьте,
а стоит ли вмешаться...

Когда поэты вместе,
когда ответят грубо,
вы им поклон отвесьте —
опаснейшая группа...

Бьет стихотворным градом
(пожалуйста, не лезьте,

пожалуйста, не надо),
Когда поэты вместе!..

Август 2008г.

Судьбы, судьбы, судьбы...
Радуга судеб.
Мне понять их суть бы,
В сущность проникнуть мне б.

Очи, очи, очи...
Тысяча очей.
Я объятий зодчий,
Страсти казначей.

Страсти, страсти, страсти...
Страсти; целый вал.
Всех любил отчасти,
Коли целовал.

Диалог с искусителем

Ваше имя, отчество?

- одиночество.

Кто у вас мстители?

Да, родители.

И зачем же им мстить?

Со мной трудно жить.

А ваша женщина...

Ну... там трещина.

Может есть мужчина?

- Люблю лишь сына.

Как же тогда друзья?

- Друг сам себе я.

В чем же ваша вера?

- Не ваша сфера.

Ну а ваше хобби...

- Отстаньте снобы.

Скажи кому служишь?

- Я? Кого любишь.

Все-таки слуга ты?

- Нет, глуповатый.

Лицемер ты, книжник!

- Это о ближних.

Есть у тебя грехи?

- Да мои стихи.

Хочется пожить немножко.
Но смотря на путь-дорожку,
Что ведет по жизни нас,
Досчитать бы мне до «раз».
Досчитать бы: «раз, два, три»...
Но взрывается внутри
Толь тревога, толи боль,
И съедает словно моль.
Потихоньку, по чуть-чуть
Уменьшается мой путь.
Уже тропы, круче скалы,
Всюду трупы и шакалы.
Жизнь идет как раньше шла,
Царство тьмы и город зла.
Бледные ребячьи лица,
Лишь бы им не обозлиться
На людей, на жизнь, на бога
- Вот моя болезнь, тревога.
Ну а я врагам прощу,
Жен чужих не обольщу.
Допишу лишь книгу эту
И пойду гулять по свету.
И возьму судьбу под руку
- Верную мою подругу.

Я в глаза пускал ей пыль,
Небыль выдавал за быль,
А сейчас тоска и срам,
Подчиняюсь ей я сам.

ГОНАШВИЛИ МАКВАЛА (ГРУЗИЯ)

Родилась в 1959 г. Поэт, писатель. Окончила факультет журналистики Тбилисского государственного университета. Автор сборников поэзии, драматургии, стихотворений и пьес для детей, переводов поэзии разных стран. Работала редактором на Грузинском телевидении; была президентом независимой Ассоциации молодых грузинских писателей «Гулани»; редактором детской познавательной газеты «Хелло, беби!» на английском языке, заместителем директора Дома литераторов им. Г. Табидзе; секретарем Союза писателей Грузии; вице-президентом Академии им. Сулхана-Саба Орбелиани. С 2004 г. председатель Союза писателей Грузии. Лауреат премии им. Галактиона Табидзе (2007) и премии им. Анны Каландадзе (2008). Произведения переведены на разные языки мира.

ფერისცვალება

ეძებდნენ ერთურთს, ვით გამართლებას
ლმერთი და კაცი, კაცი და ლმერთი,
მე კი დაჭრილი ფრთები მეჭირა,
თქვენ რომ მარაო გეგონათ თეთრი,

მე არც კი მახსოვს, როგორ შემაჭრეს
ფრთები და ზეცის კარი დამიხშეს,
ჯერ ამიხილეს თვალები, მერე
მინის ხორკლიან მკერდზე გამიშვეს,
და მიწა, როგორც დაღლილი კაცი,
ჩემგან ითხოვდა შველას და ალერსს,
ხან მიწყებოდა სულ უმიზეზოდ,
ხან მპირდებოდა ზურმუხტს და ლალებს,
ხან ეჭვიანად მითვალთვლებდა,
ხანაც მიგებდა ფეხთ იის ნოხებს,
მე ვიცი, თუკი ერთხელ დავხარბდი,
ანდა დავეცი, გულს მოიოხებს
ზეცა ხარხარით და მუქლურჯ თალებს
შეზარავს ჩემი ქალთან მსგავსება;
მუხლი სუსტი და თვალები ხარბი
და წამიერი ვნებით ავსება.
ნუთუ არ იცის ცამ, ყოვლისმცოდნემ,
ფერისცვალება რისი ბრალია,
რომ ფრთებდაჭრილი და თვალხილული,
თვით ანგელოსიც სუსტი ქალია,
ეძებდნენ ერთურთს, ვით გამართლებას,
ღმერთი და კაცი, კაცი და ღმერთი,
მე კი დაჭრილი ფრთები მეჭირა,
თქვენ რომ მარაო გეგონათ თეთრი.

Преображение

Как искали друг друга они, как друг к другу стремились –
Человек и Всевышний, и каждый в другого глядел...
А в ладонях моих два крыла, два отрезанных – бились,
И казалось, что веер в руках трепетал и белел.
Я не помню, не знаю – кто крылья ломал мне до хруста,
Кто захлопнул ворота, – и небо закрылось вдали,
Кто сначала мне дал откровенье – стоглазо, стоусто,
А потом оглушил на шершавых ладонях земли...
А земля, как уставшая мать, как голодный ребенок,
Так просила о ласке, о слове, о деле меня:
То кричала во сне, то меня поносила спросонок,
То в раскаянье бурном дарила рубины огня.
То меня ревновала ко всем сквознякам, то в раденьи
Расстилала ковры самых нежных фиалок своих...
И тогда я узнала, что значит полет и паденье,
Что такое соблазны, и лица какие у них.
Вот когда небеса отражались в канавах и лужах,
Содрогались, почуя, что с женщиной схожа и я:
Так слабы мои руки, и хищный, беспомощный ужас
Дышит женскою страстью и заполоняет меня.
Неужели не ведомо мудрому, вещему небу,
Что и ангел пропащий с крылом перебитым – потом,
На земле прозревая, презрев все, что здесь на потребу,
Превращается в слабую женщину с жалобным ртом.

Перевод Олеси Николаевой

გაუცხოება

მიჯაჭვული ვარ შენით მინაზე,
დახურულია ზეცის კარედი,
რატომ მეგონა, რომ შენთან მაინც,
რომ შენთან მაინც გავიხარებდი?!
მე ვარ ცის შვილი, ვარსკვლავთა ნაცვლად
დამეჭორფლება ლექსებით სახე,
უძრახ მდინარეს გავატან დილით
თავდავინწყებას, სიზმრად რომ ვნახე,
შენ ისევ ბრაზობ? რა მოხდა მერე,
სადაფის ღილი თუ შესწყდა ხალათს,
ვიცი, შენ ჩემი აღარა გჯერა,
გაუცხოებას ეძახი ლალატს.
მე კი, მე რა ვქნა? ათასჯერ თქმული
მეტაფორების ტკბილ-მწარე კვამლით
მევსება თვალი, ვერაფერს ვხედავ,
დაკარგულია ზეცამდე კვალი.
ნეტავ მხევალის ბედსა და იღბალს
ასე სანამდე ველოლიავო,
დამტოვე, წადი, ხვალიდან ისევ
უნდა ფიქრით მარტომ ვიარო.
მარტო გავუყვე ისევ რძის ბილიკს,
მარტომ შევალ ზეცის კარედი.
რატომ მეგონა, რომ შენთან მაინც,
რომ შენთან მაინც გავიხარებდი?

Отчуждение

Ты пригвоздил меня к земле, и мне осталось
Лишь примириться со своей судьбой.
Врата небес закрылись... Но казалось,
Но почему мне все-таки казалось,
Что я могу быть счастлива с тобой?!

Ты мне не веришь? Не смотри сердито,
Смешно ревнуня – из-за пустяков!
Пойми, что я во власти звучных слов,
Что я – дочь неба! Вместо звезд покрыто
Мое лицо веснушками стихов;
Под утро я отдам реке безмолвной
Отчаянность моих тревог ночных,
И унесут медлительные волны
И боль мою, и неземные сны.

Не называй изменой отчуждение,
Мне жжет глаза, мне застилает свет
Горчайший дым метафор и сравнений,
Избитых рифм... Я слепну, я в смятении –
Потерян в небе мой недавний след!
Оставь меня! Я буду вновь одна,
Одна, как мысль, одна, как тишина, –
Иного счастья, право, мне не надо.
А роль рабыни чересчур трудна,
Хоть есть и в ней какая-то отрада...

Перевод Галины Павловской

დაგვიანებული შეხვედრა

შენ ხარ რომეო? როგორ შეცვლილხარ,
მეც აღარა ვარ ცამეტი წლისა,
აბურდულია ბედის გორგალი,
არ ასრულდება რაც უთქვამს მისანს.
არ მომეკარო, ჭინჭრის პერანგი
ტანთ მაცვია და ვნებაც განელდა,
მე ვნებდებოდი ქარებს და წვიმებს
შენ გრილდებოდი მზისდარ ქალებთან
და მაინც... თურმე წუთისოფელი
სიბერისაკენ მიგვაქანებდა.
და ისევ იჭვით, ნუთუ ეს შენ ხარ,
დავიგვიანეთ, ჩემო რომეო!

Запоздалая встреча

Это ты, Ромео? Старичок...
Да и мне четырнадцать минуло,
Как судьбы запутался клубок,
Нас волхва вещанье обмануло!
Мне одежда мнится крапивой,
И желанья плотские погасли,
Я жила по воле грозовой,
Ты ж пьянел от чаровниц прекрасных.

Век земной клонится на закат,
Время нас с тобой не подождало.
Я ревную. А года летят.
Я к тебе на встречу опоздала.

Перевод Владимира Саришвили

ГРИЦМАН АНДРЕЙ (США)

Родился в 1947 г. Поэт, эссеист. Окончил 1-й Московский медицинский институт им. И.М. Сеченова. Кандидат медицинских наук. С 1981 г. живет в США. Пишет по-русски и по-английски, публикуется в России с середины 90-х в журналах «Октябрь», «Новый мир», «Арион», «Вестник Европы», «Новая Юность», «Сибирские огни», на сайте «Вавилон», «Новый журнал», сборник «Встречи», «Иерусалимский журнал», «Стетоскоп» (Париж) и др. Стихи и эссеистика публикуются в американской и британской периодике. Стихи были включены в антологию «Modern Poetry in Translation» (УК). Окончил литературный факультет Университета Вермонта со степенью магистра искусств по литературе. Автор нескольких книг стихов и эссе на русском и английском. Организатор и ведущий международного клуба поэзии в Нью-Йорке и редактор сетевого журнала поэзии «Интерпоэзия».

Грузия 2008

Звиад, Котэ, Ника, Зураб,
Шота. В «опасной зоне»
горит волшебная гора,
где дикий виноград на склоне.

Закат зияет. Старший брат
с утра охоч до перестрелки.
Тогда ракета типа «Град»
шмальнет в долине с опохмелки.

Зрит четкая чеканка гор.
Кемаль-паша на горизонте.
Остер истории озон,
но гарь плывет в Батумском порте.

Они ожили навсегда,
словно сосна на камне голом.
Котэ, Звиад, Ника, Шота,
их речь течет воздушным горлом.

Гори, июль 2008 года

Жарко и пусто в садах супостата.
Бесполезная жизнь элементов:
вот горящее сердце солдата,
там – циррозный любитель абсента.

В беспределе зомбических статуй
умирают три времени года.
И никто не сидит за растрату,
и молчит изваянье уroda.

Так живет Балаам пораженных
среди винных холмов вдохновенных.
Для истории – два-три ожога
до глубоких костей сокровенных.

Она говорит – куда ты, куда?
Я говорю – далеко, на запах
дыма и камня, туда, где вода
нас от безумья спасает обоих.

Сколько на жизни келоидных мет,
эта – фантомом физической боли.
Ты понимаешь: ответа тут нет,
нету на вход в этот сад пароя.

Мыслящий вслух. опадающий сад,
полуживые, шевелятся угли.
Мертвая пыль по музеям усадеб,
сад до осенней поры не порублен.

Мы, отщепенцы, видны по глазам.
Щепки еще со времен Халхин-гола.
Пишут: сжигают в Боржоми леса,
с ними сгорают мои глаголы.

В погасшем бездонном зале – море немых голов,
лишь два лица светятся – Боже, спаси.
Все затаились, ждут сокровенных слов.
Но не дождешься в сумерках, как ни проси.

Светятся лица их в пустой темноте,
словно родное слово в сверхзвуковой сети,
кто-то собрался спеть, но вовсе не те, не те,
в этой толпе таких губ навзлет не найти.

Свечи мерцают вслух, и стекленеет зал,
горстью рябых монет звенят наобум.
Я до того от стоячей воды устал,
мне до предсердия сердце заполнил шум.

В этом зале мерцают две пары текучих глаз,
две осадненных души, заговоривших в хрип.
Так постепенно светлел безнадежный зал.
В эту ночь мне приснилась пара летучих губ.

ДЖОРДЖАНЕЛИ НИКА (ГРУЗИЯ)

Родился в Тбилиси в 1978 г. Поэт. Окончил Тбилисский государственный университет им. Ив. Джавахишвили, факультет западноевропейских языков и литературы по специальности германистика. Автор поэтического сборника «Раздражение от бархата» (2003-2004 гг.). Внесен в антологию современной грузинской поэзии. Переведен на русский и английский языки. Преподавал в немецкой школе. Также преподавал грузинский язык в Московском государственном лингвистическом университете. Лауреат международной премии «Содружество дебютов» (2008 г.).

თებერვლის ტყეში

ლექსო ჩხაიძეს

თებერვლის ტყეში არსაიდან აღმოვჩნდი უცებ.
ტყე ჩახლართულა სულ მთლად. ჯანღში ცურავს ველობი.
ასე მგონია, რომ გაძარცულ ტყეს მაჯად ვუცემ,
ფილოსოფოსი დატოტვილი მსოფლმხედველობით.
სადღაც ნახევრად დარია და ღრუბლიდან ქეში
წვიმა ეცემა სასახლეთა მდიდრულ ვერანდებს...
თითქოს არასდროს არ ვყოფილვარ აქამდე ტყეში.
თითქოს არავინ არ ყოფილა ტყეში ჩემამდე.
ტყეში ვარ. მარტო. ჩემს ჯერ კიდევ ცეცხლივით გულზე
გათოშილ ხელებს თებერვალი ითბობს როგორღაც,
და დაბრეცილი ბუჩქებიდან, ტკივილის სუნზე,
ჩემკენ ტყის მეფე, დაღრეჯილი, თოვლში მოხობავს.
ყინულის ზევით მე ვილაცის სულს ხელი ვტაცე
და შევიგრძენი ყინულის ქვეშ ხორცი – მდინარე.
მზე ისე ბრწყინავს ფერწართმეულ, გაყინულ ცაზე,
როგორც ჰაფეზის ხელისგულზე ბოლო დინარი.

2003

В февральском лесу

Лексо Чхаидзе

В февральском лесу неизвестно откуда я вдруг очутился.
Чащоба сплелась надо мной. И поляна в тумане плыла
полусонном.

Казалось мне: бьюсь пульсом леса я, листьев лишенного. Сбылся
философ со спутанным мировоззрением, как ветви, плетеным.

А где-то погода похожа почти на хорошую, с тучи
косой дождь летит на веранды богатых дворцов, как повеса...

Как будто в лесу до сих пор не бывал я дремучем.

Как будто никто не бывал до меня в гуще леса.

В лесу я. Один. Над моим еще огнеподобным,
трепещущим сердцем февраль греет руки, движенья неволит.

Ко мне, снег тревожа, с лицом перекошенным, злобным
ползет царь лесной из кустов на живой запах боли.

И вот поверх льда чью-то душу схватил я, как небыль,
и плоть подо льдом вдруг почувствовал – реку, и из-за
туч вспыхнуло солнце – блестит в обесцвеченном холодом небе,
как будто последний динар на ладони Хафиза.

2003

Перевод Инны Кулишовой

გამოთხოვება ადამთან

იმ ვაშლს მოგცემენ და, ბნელის მჯობნელს,
გეტყვიან ჩემზე: „რადგან აგვრია,
კვალიც არ დარჩა აქ მისი ყოფნის.
ეს ერთადერთი სახსოვარია«.

ნეტავი ვინმე ისეთი შეგროთონ,
რომ მგავდეს სახით და ნება დაგროს,
ერთხანს მიყურო, მიმავალს შენგან,
კრულს, თმაგანენილს, საშინლად მარტოს.

მე დავუყვები ციცაბო დაღმართს.
მე ღმერთი უკვე არც როდის შემქმნის.
აი სიმღერა იმ შენი ალბათ
ზედმეტი ნეკნის.

2004

Прощание с Адамом

Память одолевший, тьму и жалость,
пусть тебе хоть яблоко даст Бог,
если все, что от меня осталось, –
только яблочный переполох.

Хорошо б – женили на похожей,
разрешила чтоб тебе она
оглянуться и смотреть до дрожи,
как легко я ухожу – одна.

Круто вниз уйду, неповторима,
проклята, распатлана, стара,
словно песня твоего, любимый,
лишнего ребра.

Перевод Ирины Ермаковой

საყვარლის გახდის გამო

შენ იხდი ტანთ, და საუკუნის გახდას ვესწრები.
მინავლებული ბედისწერის ღვივდება ღველები.
აკვარიუმში ხტუნაობენ ოქროს თევზები.
კედლის რუკაზე შრიალებენ ცისფერი ზღვები.
სართულებს შორის, ცარიელი, მიმოდის ლიფტი.
და შენი ტანის ნატიფობას ესწრაფვის შრიფტი.

შენ იხდი ტანთ და ჩემს აქამდე მოწყენილ თვალებს
თითქოს ძეგლს უდგამ, თვითონაც რომ არ იცი, ისე.
რისთვის? ისინი ვერ ნახავენ, თუ როგორ გალევს
თავის გასავლელს ყოველივე ყალბი და მქისე.

და მხოლოდ ერთში თუ მიუძღვით მცირედი ღვანლი:
მათში არასდროს აღბეჭდილა რისხვა და ღვარძლი.

შენ იხდი ტანთ, და არა დენი, არამედ სისხლი,
სისხლი მოძრაობს სადენებში კედლების მიღმა,
მოტყბო-მომლაშო, ალისფერი, ნამდვილი, მკვირცხლი.
ვისაც შეეძლო სამოსელთა ასეთი მიყრა
ლამის ემღერა კინოლენტზე, როგორც არია,
ის რეჟისორი, სამწუხაროდ, უკვე მკვდარია.

იხდი, და მალლა თაროებზე წიგნები – ნაშთი
უწინდელ დროთა – იმ ამბებად ჩნდებიან, მათში,
აი, საკუთრივ ამ აწმყოსთვის რომ აისახა.
და ვინც მაგონებს ამა ქვეყნად მოსვლამდე ნანახ
მშვენიერებას (ვერ ვიგონებ მე თვითონ რახან)
და უკვდავებას ვინც მიქადის, სწორედ ისა ხარ.

იხდი, და რალაც წვეთოვანი, ფაქიზი გზებით
ჩემში შემოდის, საკადრისად რაც ჯერ ვინ აქო,
რასაც საკადრისს ვერც აღუვლენ, განფენილს ზევით.
გვრძნობ მე იმ მხარეს. წამი მინდა, რომ დავინახო
და იქ აღმოვჩნდე... არ მეძლევა. გარბის. ვერ მიცდის.
წამი მაკლდება, საყვარელო, უკვდავებისთვის.

იხდი, და თითქოს ტოვებენო ტაძარს თათრები.
გარეთ ხეებზე ფრინველების მძაფრი თათბირი

დუნდება, წყდება. არც კეთილი და არც მრისხანე
ხმა აღარ ისმის გარემოსი. აღარც მანქანებს
გააქეთ გუგუნი. სასწაული ტკბილად ახანებს.
მის მოლოდინში ფეხს იკიდებს სრული სინყნარე.

დღე იჭვრიტება ფანჯარაში, როგორც მნათობი,
და, თბილ მინაზე შუბლმიდებულს, თანდათანობით
გამოეკვეთა პირისახე. ყველა შფოთვა კი
თოვლივით გადნა, ბურუსივით მიმოიფანტა.
შენ იხდი ტანზე და ირხევი, როგორც ინფანტა.
და თითქოს მთელი სამყაროა ერთი ოთახი.

აგერ მთლიანად გახდილი ხარ! და უკეთესად
ჩამდის ჰაერი. არაფერს გთხოვ, გარდა ერთისა –
აქ, აქ დავრჩები, რომ დღედაღამ ვიფხიზლო და ამ
ჭერქვეშ დამესვას მერე ბოლოს სიკვდილის დაღი.
სხვენი სამოთხედ გარდაქმნილა. სარდაფის ცდა კი,
ცდა ჯოჯოხეთად აგზნებისა, ამოო ცდაა.

2006

Любимая обнажается

Ты, обнажаясь, приносишь присутствие времени.
Жар возвращается пеплу истлевшей судьбы.
Пляшет аквариум, – рыбки беснуются резвые.
С карты доносится рокот морей голубых.

Меж этажами мечется лифт суетливо.
И алфавит следует тела извивам.

Ты, обнажаясь, сама, вероятно, не ведая,
приподнимаешь глаза мои на постамент.
Как ни печально, но им не увидеть, наверное,
мерзость – изжитой, и подлость – сошедшей на нет.

Их достоянье лишь в том, что ни гневом, ни желчью
взор не туманился. Даже в момент поражения.

Ты, обнажаясь, мудришь над электропроводкою:
в ней, вместо тока, струится горячая кровь,
сладко-соленая, алая, слишком проворная.
И не дано твой спадающий легкий покров
запечатлеть, словно арию, на киноленте.
Тот режиссер умер давно, к сожаленью.

Ты обнажаешься. Книги в тяжелых обложках
наперебой мне повествуют о прошлом,
сияясь поведать сокрытые тайны несметные.
Но лишь в тебе, обнаженной, я вспомнить надеюсь
ту красоту, что провидел еще до рождения,
только в тебе для меня вероятно бессмертие.

Ты обнажаешься, и капиллярными нитями
медленно переполняет меня изнутри
благоговенье пред Сущим, столь неизъяснимое,
что не сумею достойно возблагодарить.

Силюсь сказать. Непослушные губы немы,
чтобы коснуться бессмертья хотя бы на миг.

Ты обнажаешься – тихо, как храм оскверненный
после татар обживается Богом по-новой.

Смолкло на улице яростных птиц голошение.
Даже машины бесшумны. Беззвучная местность
вся в ожидании. Чудо так сладостно медлит.

И тишина знаменует его предвкушение.

Лбом прижимаясь к стеклу, озорное светило
шанс подсмотреть за тобою не упустило.

День проясняет лицо свое. Все сожаления
дымкой туманной рассеялись, снегом истаяв.
Ты, обнажаясь, струишься инфантою в танце.

Нашей совместною комнатой стала вселенная.

Обнажена! Наполняются легкие вдохом.

Я ни о чем не прошу – лишь позволь мне подольше
денно и ночью с тобою по этому адресу

бодрствовать вместе. И благодарить, умирая.
Старый чердак обернулся обещанным Раем.
Тщетно подвал намекает на образы адские.

2006

Перевод Виктора Куллэ

ИАТАШВИЛИ ШОТА (ГРУЗИЯ)

Родился в 1966 г. Поэт, прозаик, переводчик, арт-критик. Автор сборников поэзии, прозы и переводов. На грузинский язык перевел многих современных русских поэтов. Участник фестивалей «АРТГруз» (Москва, 2000), «Шелковый путь поэзии» (Одесса-Поти-Батуми, 2004). Работает в Центре культурных взаимосвязей Грузии «Кавказский дом» главным редактором издательства и литературного журнала «Альтернатива». Произведения переведены на многие языки мира. Лауреат премии «Саба» (2007).

როგორ ქვეყნდება ყოველდღიური ქალაქი

უთენია იწყებენ მუშაობას ქალაქის კორექტორები და სტილისტები.
კრეჭენ ბალახს გაზონებზე,
შენობების ფასადებს ღებავენ,
განყვეტილ კაბელებს აერთებენ.
სტრიქონ-სტრიქონ მიუყვებიან ქუჩებს,
გამოცდილი თვალით აკვირდებიან:
ეს ძალღი აქ ზედმეტია, მოვაშორეთ,
ამ ორ ხეს შუა საგაზეთო ჯიხურია ჩასამატებელი,

ბოლოში კი, სადაც ქუჩა მთავრდება,
ნაგვის ურნა უნდა დავსვათ აუცილებლად და
ახალ ქუჩაზე გადავიდეთ.
იქ დედანთან შესადარებელია სუპერმარკეტი —
ციტატა ამერიკული ყოფიდან,
რომელიც ახლახან დაიმონმა ქალაქმა.
მოკლედ, საქმე ულევია,
მაგრამ ისინიც არ არიან ჯაბანნი.
ყოველ დილით მარადი სიბეჯითით
ცხვირს რგავენ მტვრიან ფოლიანტებში და
თავიანთ მოუთავებელ სამუშაოს უკირკიტებენ:
ქვაფენილის ამოვარდნილ ფილებს აგებენ,
დღესასწაულების და შესაბამისად საზეიმო ტრანსპარანტებს
ცვლიან,
საგზაო ნიშნებს კიდებენ,
დღის ბოლოს კი გაკორექტურებულ და
სტილისტურად გასწორებულ ქალაქს
დასაბეჭდად აბარებენ რედაქტორ ღამეს.

А если праздник – вывески меняют,
плакаты вешают и всякие подвески.
Другое дело – знаки на дорогах,
их тоже очень важно заменять.
В конце же дня, прошедший корректуру
и стилистически подправленный, готовый
сдается город, так сказать, в печать
за подписью одной: Редактор – Ночь.

Перевод Марины Ламар

კონტამინაცია

სიზმრის ყვითელ შუქში
მეგონა ჩინელი გოგონა,
მაგრამ აღმოჩნდა
ჩემი უხსოვარი მიჯნური,
რომელსაც ბოტკინი შეჰყროდა
მას შემდეგ, რაც დამშორდა და
გათხოვდა და მოკვდა.
ის ოქრონამოცმული თითებით
იჭიმავდა თვალის კუთხეებს და
ბაძავდა მანჯურიელ გოგოს,
შანხაის თხუთმეტი მილიონ ადამიანში და
ჩინელ მილიარდში ჩაკარგულს,

მწუხარეს და ხალვათ სამშობლოზე მეოცნებეს,
სადაც შესაძლებელია კონდენსირებული
მეგობრობა და სიყვარული
ჩემნაირ ზრდილ ჭაბუკთან
რეალური დღის ან სულაც სიზმრის ყვითელ შუქში,
როცა ყველაფერი, რაც ბრჭყვინავს, ოქროა —
ქორწინებაც, ავადმყოფობაც და
ლაო-ძის შთამომავალთა კანის ფერი
არაა დაბრკოლება,
არამედ მხოლოდ სიზმრად გამოცხადების
ეფექტური ხერხი და
ერთ მემილიარდედად ყოფნის რუხ სევდაში
თავის შეფარების საშუალება —
ესეც მხოლოდ იმ შემთხვევაში,
თუკი ოდესმე იყავი რომელიმე
თბილისელი ბიჭის თვალმოჭუტული სატრო, —
ხოლო მერე სხვასთან დაწყვილდი და
სავსებით ჯანსაღი ცხოვრების შემდეგ
აზიის ერთ-ერთ უდიდეს ქალაქში
ცნობისმოყვარეობადაქვეითებულ ტურისტად
ყოფნის დროს
გულწრფელად და უცოდველად მოკვდი,
როცა გულზე შემთხვევითმა და არაყვითელმა
რთულმა რიქმამ გადაგვიარა.

Контаминация

В желтых лучах сновиденья я грезил
о китаянке,
но она оказалась моей забытой невестой,
что заразилась боткиным после того, как
рассталась со мной, вышла замуж и умерла.
Пальцами в золотых кольцах
она вытягивала углы глаз,
подражая маньчжурской девушке,
затерянной среди 5 миллионов шанхайских
и миллиарда китайских жителей,
мечтающей о печальной и просторной родине,
где возможны конденсированные
дружба и любовь
с таким изысканным юношей, как я,
в желтых лучах реального дня или даже сна,
когда все, что сверкает – золото,
даже свадьба и хворь,
когда цвет кожи потомков Лао-Цзы
не станет препятствием,
но лишь эффектным способом явления во сне,
а также способом сокрытия в серой тоске
одной миллиардной части бытия.
И это только в том случае,
если ты когда-то была

ослепленной невестой какого-то мальчика,
а потом спарилась с кем-то другим
и после вполне здоровой жизни
в одном из огромных городов Азии,
в бытность туристкой с ослабленным любопытством,
искренне и безропотно умерла,
когда по сердцу тебя
переехал случайный
и вовсе не желтый рикша.

მწვანე ფოთლებს შორის გამოჩნდა ცა,
და კიდევ სხვა მწვანე ფოთლებს შორის გამოჩნდა ცა,
და შეგეძლო გეთქვა: ეს ცა უდრის იმ ცას ან
შეგეძლო გეთქვა: ეს ცა არ უდრის იმ ცას —
ეს იმიტომ, რომ ყველა ნიშანი:
მეტობის, ნაკლებობის, ტოლობის,
ოდესღაც ჩაყარეს ღრმა ფსკერზე და
აურიეს,
გადაადნეს.
ამ პროცესში არ მონაწილეობდნენ ღმერთები, არამედ
მხოლოდ ადამიანები,
და მათ იცოდნენ ზეპირად
მითები და ფორმულები.
ამ ადამიანებს ჰქონდათ გრძელი მესხიერება და

მოკლე ხელი, ზემოთ აღმართული,
და ჰქონდათ მრგვალი გული და
ბრტყელი ფურცელი,
რომელზეც ამ ყველაფერს წერდნენ.
მწვანე ფოთლები კი ამასობაში
(ანუ სეზონურად, ათასწლეულების განმავლობაში)
აჩარჩოვებდნენ ცებს,
რომლებიც ცდილობდნენ ემეტყველათ
სიყვარულის საფუძვლიანობის შესახებ და კიდევ
გამოესახათ დედამიწაზე არსებული
ტანჯული მატერიალური სხეულები:
ცხენთევზები,
მეფეები,
კილოგრამიანი წიგნები —
ისინი — ერთმანეთს დაშორიშორებულნი მწვანე ფოთლების მიერ —
მწვანე ფოთლებითვე ერთიანდებოდნენ
ბუნებისმეტყველების გაკვეთილებში და
შეყვარებულთა თვალების მაღლა აპყრობებში,
ისინი იტოვებდნენ უფლებას,
ყოფილიყვნენ იდუმალნი და
ყოფილიყვნენ ფარდობითი დამოკიდებულებების
უღმობელი მსანსლავენი.
ისინი იყვნენ ცები ცის ღრმა შინაარსით
მწვანე ფოთლებს შორის და
არაფერი,
არაფერი მეტი.

Меж листьев зеленых сверкнуло небо

Меж листьев зеленых сверкнуло небо,
Меж листьев других оно тоже виднелось.
И можно было сказать: это небо тому равняется, или
Сказать, что оно ему не равняется.
И все потому, что знаки:
>, < и равенства
Были брошены всуе на глубокое дно,
Спутаны и переплавлены.
Богов не коснулось это деянье вовсе,
Но только людей,
Которые
Наизусть читали мифы и формулы.
В дар получили они длинную память,
Короткую руку, ввысь воздетую,
А также круглое сердце
И плоский лист,
На котором это записано.
Зеленые листья тем временем
(т.е. сезонно, в течение тысячелетий)
Обрамляли те небеса,
Что пытались выговориться
Об оставленности в любви, а также
Отобразить существующие на земле
Измученные материальные тела:

Тела морских коней,
Царей и фолиантов.
Они – отделенные друг от друга зелеными листьями –
ими же объединились
на уроках природоведения и
вверх обращенных взглядах влюбленных глаз.
Они – небеса – оставляли – право себе
быть
беспощадными пожирателями
относительных сочетаний.
Они небесами были сверкнувшими меж
Зелеными листьями
И больше, больше ничем.

Переводы Кети Чухров

ИВАНОВА-ВЕРХОВСКАЯ ЕЛЕНА (РОССИЯ)

Родилась в 1949 г. Поэт. Окончила Московский архитектурный институт. Стихи печатались в «Антологии русской поэзии XX века», в сборнике «Московская Муза», журналах «Юность», «Истоки», «Дружба народов», «Кольцо А». Член МФРП. Член Союза писателей России.

Этим летом в июле я была в Грузии. Поездка, состоявшаяся в рамках Международного фестиваля поэзии, была очень динамичной, очень плотной по графику, но жаль было только одного – не хватало времени, хотелось быть повсюду, увидеть еще больше, выступать, разговаривать – дружить! И везде полные залы – Тбилиси, Кутаиси, Батуми, Сигнахи и опять Тбилиси. Из каждой прогулки, просто по городу, мы возвращались с новыми знакомыми, контакты возникали мгновенно, стоило только что-нибудь спросить, попросить, просто остановиться. В Москве живет много грузин, но, видимо, наша климатическая полоса не предполагает такого теплого открытого общения, которое происходило там, на грузинской земле. В Тбилиси какой-то уличный торговец книгами подарил мне, привез в гостиницу, невероятное количество книжек времен моего детства. Когда теперь в Москве я остаюсь одна, я открываю их одну за другой и превращаюсь опять в пятилетнего ребенка. Мы вернулись в Москву 27 июля. И спустя всего несколько дней произошло то, что произошло, то, от чего лихорадит теперь весь мир. И неужели мы, русские, грузины, осетины, абхазцы – причина всему этому? Я не могу в это поверить после того, что увидела и услышала, что осталось в моей памяти. В Тбилиси на Сухом мосту у какого-то старика я купила настоящий старый штук времен Первой империалистической. Несколько дней назад я воткнула его в землю. Вы слышите Шота, Инна, Зураб, Николай, Манана, Мераби? Мой штук в земле, а мои стихи – вам.

Грузинское лето – 2008

В моем славянстве нет помехи,
И за неделю до приказа
Смотрю в упор на храм Метехи
Под вечным кратером Кавказа.
Здесь войны будто прописались,
Как коммунальные соседи,
И горизонт, слегка оскалась
От жара, так же сух и бледен.
А вот кресты как в Подмосковьё,
И лик заступницы все светел,
Не разделяя нас любовью
По небесам – на тех и этих.
Лишь за неделю до отстрела,
В один неверный час восхода,
Дорога к храму опустела,
Собрав всех ласточек у входа.
Как ни суди – не спросят даже,
Вошел конвой – конец свиданья.
По «холмам Грузии» бродяжит
На чьих-то танках «дух изгнания».

Птичий крестик на песке,
Птичьи сумерки на небе.
Всем спующим налегке,
Помышляющим о хлебе –
Бог не фраер, бог – он бог,
Подавать никто не хочет.
Луч стремительный рассек
Ствол осины – в небе прочерк
Ветки, воробьиный пыл
Клейкой зеленью щебечет,
Закружился, снова взмыл,
Наигрался в чет и нечет,
В свет и нечисть. Масти в цвет
Козырные дни апреля,
Каждый прожитый – билет
В лотерею – к Лорелее.
Сверху вымыто окно,
Где беспамятство подхватишь.
Все мгновение одно
В форточке, раскрытой настежь.

День рождения

Месяц май – развеселый месяц,
Только мне не хватило тепла,
Путь рождения был не весел,
Двор сиренями занавесив,
Даже улица не ждала.
Без фамилии – дедов росчерк,
И всегда только мама одна,
И под знаком ее одиночеств
Подрастала моя вина.
И пустой графы не заполнить
И детской моей маяты,
Только зеркало, чтобы запомнить
Несложившиеся черты.
А потом на портрете – мальчик
Итальянский с моим лицом,
Поняла вдруг, что мир обманчив, –
Жизнь случается без отцов.
Век – пятнадцатый, фон – Тоскана,
Я туда возвращалась бродить,
Вспоминая, чего же искала,
Вряд ли думая находить.
Близ Перуджи все это было,
Сквозь бескрайние сотни лет,
Пробивались мы с ним, чтоб хватило,
Сил еще на один сюжет.

Александру Климову-Южину

Пасека тебя как пасынка
В зиму вытеснила прочь,
Золотая с медом мазанка
В снежную приснится ночь,
В холод ожиданье спорится
Только память все метет,
Ходят дружно за околицу
По привычке пес и кот.
Перемаяться и, канувши
В город, денно коротать
И стихи вдыхать как ландыши,
Только ими и дышать.
Жить размеренно, а нервное
Время торопить вперед,
Чтоб, когда наступит первое,
Повторился старый год.
Ну а нового не надо ведь?
Вдоль Чернавы лунный сход,
Порадеть ей, чтоб порадовать
Жизнь на сумерки вперед.
Над прудами небо заститя,

Значит, скоро ледоход...
Кот хитрющий к дому ластится,
Пес дорогу стережет.

Поверь, твои обьятья и обеты
Мне не нужны для жизни и судьбы,
Но исчезаешь, и звоню я – «Где ты?» –
Тебе, которого мне не хватало бы
Для оправданья всех своих присутствий,
Для толкованья всех весенних снов,
Рассвета, что всегда встает так густо
И розово. И ко всему готов.
Короче, чтоб земною стала вещью,
А женщиной, конечно, неземной,
Чтоб суть свою увидеть человечью
Побудь со мной. Еще побудь со мной.

Черемуха

Там, куда падал бессильный закат,
С линии ломаной крыши,

Запах луны принесли облака
И опускаются ниже.
Мимо черемух, чья душная тень
Вся пропиталась дурманом,
Кружится ночь, кружится день
И осыпается рано.
Веток поломанных тесен кувшин,
Рвется и влагу вдыхает,
Белый по комнате плавает дым.
Кажется – будто светает.
Скоро укроет белесый туман
Нижних окраин приметы...
Люди и звери так сходят с ума.
Так начинается лето.

ИГНАТЬЕВА МАРИЯ (ИСПАНИЯ)

Родилась в 1963 г. Поэт, эссеист. Окончила факультет журналистики и аспирантуру филологического факультета МГУ. Защитила диссертацию по европейской трагедии XVII века. С 1989 г. живет в Барселоне, заведует кафедрой русского языка в Государственной школе языков для взрослых. Автор двух поэтических сборников. Стихи публиковались в журналах «Знамя», «Новой газете», «Стороны света», антологии «Освобожденный Улисс» и др. Стихи переведены на разные языки мира. Автор учебников и пособий для изучающих русский язык, публикаций по вопросам русского языка и литературы. Участница международных фестивалей.

Праздник про черный день

Повторю ту довольно очевидную мысль, которую я высказала во время пресс-конференции в первый день фестиваля. И потому, что мне это кажется самым ценным из всего, что я в состоянии сказать, и потому, что недавно прочла в Интернете довольно невнятное изложение того своего высказывания.

Распад Советского Союза привел к тому, что не только республики отпали от России, но и сами русские во множестве из нее разъехались. Теперь, спустя два десятилетия, мероприятие, подобное этому фестивалю, есть своего рода попытка встречи двух республик, и новой встречи разъехавшихся писателей. Перевод грузинского поэта на русский так же важен, как и перевод физического тела писателя из Европы или Америки в Грузию, а для многих и сначала – транзитом – в Россию. Важен, потому что физика и география становятся тем же фактом культуры, что и литература.

Сам же фестиваль был прекрасен, я упивалась каждым его днем – божественной природой и архитектурой Тбилиси, Абхазии и Кахетии, невозможными трапезами, чудесным пением и танцами, блистательной компанией остроумных и просто умных спутников. Мне было весело, вкусно, интересно, пьяно, умильно, хорошо.

Можно ли что-то улучшить? Наверное. Можно было бы устроить побольше чтений и лучше организовать круглый стол о проблемах русского языка (например, заранее попросить тезисы выступлений и даже опубликовать их), совсем замечательно было бы провести семинары по разным темам. Т.е. расширить пространство работы,

возможно, за счет пространства праздника и путешествий. Пусть эти пожелания прозвучат не упреком, а дружеским разглагольствованием, на которое можно и не обратить внимания. Представьте себе: вас пригласили в неслыханной красоты дом, посадили за стол с чудесными собеседниками, накормили и напоили, как вам и не снилось. Что, станете вы после этого говорить, что хорошо бы блюд было поменьше, а вместо этого дали бы вам возможность прочитывать свой стишок и послушать стишок поэта напротив? Если так уж охота, соберитесь отдельно и почитайте друг другу. Что, кстати, мы и сделали.

Особенно я хочу поблагодарить Инну Кулишову и Александра Святикова. С обоими я познакомилась на фестивале, и обоим я обязана тем, что чувствовала себя на нем желанной гостьей. Знаю, что не у одной меня было такое чувство.

Все это я пишу, пока в Цхинвали и Гори оплакивают своих убитых, моя голова разрывается от злости на всех президентов всех стран, а сердце от сострадания к тем, кому не повезло. Маленькое частное везение (приглашение на фестиваль поэзии) оказывается праздником «про черный день». Такой как позавчера, 8 августа, вчера и сегодня, 10 августа. Почему-то я верю, что все-таки не завтра. Не израсходованный запас счастья?

Алазанская долина

Там облака, уставшие от ветра,
Отбразовали тонкую дугу,
Подернутую капельками света.
И аист в розовеющем кругу.

Дорожка среди выцветших, белесых
– Из пряденого тонкого руна –
Небесных туч, как Хромоножка в «Бесах»,
Восторженной мечтой озарена.

Там девушка склоняется к колодцу.
Прохладную вдыхая полутьму,
Над отраженьем собственным смеется
И бесам – выходи по одному!

В ночь Батуми проливного
Море выплюнуло вон –
В нитях света золотого
Шевелящуюся вонь:

Мышки мертвые норушки,
И медузы, как зрачки,
То резинки и ракушки,
То прокладки и рачки.

Изогнувшись водостоком –
Раз примерь и семь отрежь
Между Западом-Востоком
Незаделанную брешь,

Спяну дно проговорилось,
И плеснула по губам –
Эта живность, эта милость –
Море с горем пополам.

Чем злее, тем умней, и vice versa
В потоке брани
Не отличить дерьмо от эдельвейса.
Муть на экране.

Жаль, времена не зреют, а борзеют:
Любой мальчишка,
Не докурив, не дочитав, шалееет
С тоской излишка

В пространствах смысла, нежного безумья,
Хрустальной сути,
Линяющих в иронии и шуме,
В вещах, мазуте.

Но есть душа, и номер набирает
(Как днем не снилось)
В горьком небес и горько напирает
На дурь, на хилость.

Остановись, веревочка, не вейся:
В приемной Бога
Чем тише, тем верней и vice versa.
Для некролога

Едва ли пригодится опись брэнда.
Последний лапотъ
Швырнуть в костер из нажитого бреда
И не заплакать.

9 апреля 2007

Даже в этом состоянье
Отупенья, полусна,
После пира, возлиянья,
Разговоров дотемна –

То, что, может быть, приснится,
Вдруг получится. За то,
Что, быть может, сочинится,
Не поручится никто.

Но и посланным как чудо
Предпочту – небесным снам
Эту почту ниоткуда
До востребованья нам.

11 апреля 2007

Семнадцатое
апреля
веснадцатое
согрея

и солнечное
плетенье
и почечное
цветенье.

Оглядываясь
на вторник,
догадываюсь
о горних

возможностях
пролетевших
и ложностях
преуспевших.

Пускает побег
растенье,
пускаюсь в побег
за тенью

опавшего дня
осенне,
пропавшего для
спасенья.

17 апреля 2007

Вместо «Отче наш» и «Богородицы» –
Тишины и музыки контраст.
Не читать молитву, не как водится,
А как приведется и бог даст.

Скрытый смысл вытягивать по лестнице
Не Лествичника, а немоты,
Из нелепицы и околесицы
Нечленораздельной пустоты

Извлекая звук ради спасения
Слова, неизвестного пока,
Будто торжествуя воскресение
Нового какого языка.

1 мая 2007

Маме

Боже, пережившим войну и горе,
Дай еще немного мира и моря.

Поезжай в Неаполь и припомни, как при
Сталине Горький жил на Капри.

Ты ж при Сапатеро, Путине, Буше,
Саркози и Меркель живешь все лучше.

Летная погода, плевое дело –
Села в самолетик и полетела.

17 мая 2007

ИСАЕВА ЕЛЕНА (РОССИЯ)

Родилась в 1966 г. Поэт, драматург. Лауреат молодежной премии «Триумф», премии «Действующие лица» (2003), Международного фестиваля Европейского радиовещательного союза «Приз Европы» в Берлине (2004). Участник поэтических фестивалей и фестивалей современной драматургии «Любимовка», «Новая драма», «Документальная драма». Спектакль «Дос.тор» по ее пьесе получил Гран-при «Новой драмы» (2006). Стихи и пьесы переведены на многие языки.

Эта речка горная
Убегает бойко.
Я совсем не гордая –
Медленная только.

Я ушла, я выбыла.
Не скажу ни слова.
Нет, нету выбора
Никакого.

Словно обесточенной
Я была, вчерашней...
Но мертвой быть не хочется,
А живой быть страшно.

Что ж стоишь ты скованно
Возле водопада?
Все уже срифмовано –
Где-то там, где надо.

Ничего мы, в сущности,
Не меняем сами.
Из иллюзий выгresti,
Не мечтать часами,

Убегая в творчество...
Мне понятна роль, но
Мертвой быть не хочется,
А живой быть больно.

Речка душу вымыла,
Мчится – ждать не станет.
Кто предложит выбор вам –
Тот обманет.

Мцхета

Как все гармонично в мире:
Дорога, река, вершины.
И мальчик с профилем Мцыри
Красиво ведет машину.
Кура и Арагва мчатся –
Все так, как в стихах поэта.
Чего же еще для счастья?
Не думай сейчас про это.

Я напрасно обиды в себе рашу
И пеняю, мол, катится, как суждено.
Я сама не знаю, чего ищу.
Если б знала, нашла бы уже давно.

Говорят, формулировать надо так,
Чтобы точную просьбу наверх послать.
Я в себе самой не найдусь никак,
Я боюсь чего-нибудь пожелать.

Вдруг она исполнится, а потом
Я пойму, что это не то, не то,
Я боюсь остаться в доме пустом,
Я боюсь над чистым сидеть листом.
И в своей запутанная судьбе,
Нарушая воем ночную тишь,
Я рыдаю, Господи, о Тебе –
Ты ведь точно знаешь, что Ты Творишь...

На полке стоит любимая книга.
Могу перечитывать. Могу не трогать.
Она – моя.
В шкафу висит любимое платье.
Могу носить, могу не надевать годами.
Оно – мое.
Все. Что у меня есть – могу брать, могу не прикасаться.
Но мне спокойно от того, что оно у меня есть.
У тебя есть я.

Можешь брать, можешь не прикасаться.
Пусть тебе будет спокойно.

КАНЕВА ОЛЕСЯ (ЭСТОНИЯ)

Родилась в 1987 г. Поэт. Окончила Печорскую Академическую гимназию в 2004 г. с золотой медалью. В школьные годы публиковалась в городской газете и поэтическом сборнике, выпускаемом Гимназией искусств при главе Республики Коми. В старших классах сотрудничала с частной студией звукозаписи Сыктывкара, результатом чего явилась запись нескольких песен на авторские стихи. В 2007 г. получила диплом Евроуниверситета по специальности управление в сфере культуры. Работает над персональным веб-сайтом, созданием Интернет-проектов.

Впечатления от фестиваля

Международный русско-грузинский поэтический фестиваль-2008 стал первым фестивалем в моей жизни, а потому мне трудно с чем-либо сравнивать данное мероприятие (хотя почему-то и уверена, что сравнение было бы в пользу вышеупомянутого) – у меня остались только одни эмоции, и не просто положительные – восторженные. Я была поражена буквально каждым днем фестиваля, и нисколько не преувеличиваю в этом – за десять дней увидеть такое огромное число интереснейших мест, познакомиться и пообщаться с удивительными людьми, побывать там, куда судьба могла не забросить и за всю долгую жизнь, и открыть для себя, в конце концов, новую страну.

Потому из всего многообразия возбужденных фестивалем чувств, пожалуй, самым сильным оказалось чувство благодарности. Хочется сказать огромное спасибо организаторам – Международному культурно-просветительскому Союзу «Русский клуб» и Международной федерации русскоязычных писателей. Оценивая масштабы и уровень проведенного мероприятия, количество привлеченных высокопоставленных лиц и много другого, можно только догадываться, каких усилий и затрат самого различного плана потребовалось для воплощения всего этого в жизнь – такое под силу только очень талантливым людям. И находиться рядом с такими людьми было одно удовольствие.

Мне же лично больше всего запомнились мероприятия, посвященные 115-летнему юбилею Владимира Маяковского и 80-летию Нодара Думбадзе, чему и был приурочен фестиваль, и по-настоящему поразила встреча участников фестиваля с Католикосом-Патриархом всея Грузии Илией II, которая завершилась возможностью для каждого получить благословение Его Святейшества. Знакомство же с культурой грузинского народа, в лице поэтов из Грузии, музыкальных и танцевальных ансамблей, выступающих для нас регулярно на протяжении фестиваля, и, несомненно, ощущая на себе широту приема этой Землей, помогли почувствовать дух страны и полюбить ее всем сердцем. А по возвращении домой я еще несколько недель находилась мыслями исключительно там, где провела эти десять чудесных дней...

Грузия, которую увидела я

Не хочу разбираться в том, кто прав, а кто виноват в той ситуации, за которой сейчас пристально наблюдает почти весь мир, но хочу лишь поделиться своими впечатлениями от поездки в Грузию с 17 по 26 июля, когда последние события были так далеко и для меня лично – никак не предсказуемы.

Дни пребывания в удивительной, солнечной стране показались тогда сказкой. Каковы были мои шансы, как у простой обывательницы, оказаться в Грузии? Практически никаких. Случайность, судьба...приглашение принять участие в Международном русско-грузинском поэтическом фестивале, блестяще организованном культурно-просветительским Союзом «Русский клуб» и Международной федерацией русскоязычных писателей. Организованном так, что чуть более недели потребовалось для того, чтобы узнать и полюбить эту страну. И захотеть когда-либо вернуться туда снова.... И, несмотря на то, что за 10 дней увидеть удалось почти всю Грузию, и много удивительного открылось для меня в каждом уголке этой страны, сейчас речь пойдет главным образом о столице.

Вообще Тбилиси – город контрастов. По дорогам проносятся дорогие джипы, обгоняя старенькие запорожцы, а напротив шикарного здания банка торгует помидорами пожилая женщина; во время застолий за вас непрестанно звучат очень лестные тосты, и стол ломится от еды, но в то же время собаки и кошки, «братья наши меньшие», слоняются по городу голодные и никому ненужные. Однородности нет даже в центре города – кто-то из местных жителей

одет по-европейски и дорого, а кто-то в заплатанных брюках – и каждый занимается своими делами, будто бы не замечая никакой разницы.

На дневной автобусной экскурсии по городу, когда проезжали центр, отчего-то вдруг отчетливо представился Тбилиси через несколько лет: воображение невольно рисовало ему европейское будущее – вычищенные улицы и тротуары, отреставрированные здания, красивые машины и много туристов. О том, что все к этому идет, свидетельствовали и таблички на английском языке «сувенирный магазин», которые периодически встречались на узких улочках города.

Сперва сердце сжимается при виде перекошенных зданий и балконов с полуобвалившейся облицовкой, тощими собаками на углу... но потом взгляд падает на стоящий перед зданием новенький автомобиль, и уже отчетливо понимаешь, что увиденные картины – не показатель бедности или убогости, но есть сам дух и неповторимый колорит города. И люди идут тебе навстречу, улыбаются, подтверждая тем самым, что все в порядке.

На улицах невероятно много патрульных полицейских машин, и всегда можно подойти спросить, например, как куда-то пройти. Эту же информацию вам с удовольствием подскажут местные жители. Гостеприимство и добродушие грузинского народа – не преувеличены в легендах. Все так и есть – вам рады, потому что вы гость, а значит, посланник Бога. Ты фотографируешь людей, снимаешь лица и сцены их жизни – для себя, а тебе же за это еще и говорят спасибо. Удивительные, искренние люди – а внешняя размеренность их

жизни просто поражает. Все будто застыло и тонет в облаке очень теплого воздуха, и сам невольно включаешься в этот ритм.

Единственный «экстрим» – необходимость перейти дорогу – хорошо, если узкую, тогда перебежишь и задавить не успеют. Другой вариант: центр Тбилиси, площадь, пешеходный переход и даже исправный светофор – но по непонятным причинам, на него не обращают внимания ни водители, ни пешеходы. Если ты идешь, то кто-то за рулем уже жмет на газ, демонстрируя, что у тебя осталось не более пары секунд, чтобы испариться с дороги. Понять законы, по которым переходят в Грузии улицу, так и не удалось...

Ночью в городе в основном безлюдно, будто в провинции, но кое-где все же кипит ночная жизнь – бары, такси, голоса, гуляющие парочки – все как полагается... Но душно так же, как и днем. Такое чувство, что просто выключили свет, стало темно, но жара не спала. При ночной подсветке храмы, памятники и прочие здания приобретают некую загадочность... а ведь именно наличие бесчисленного множества архитектурных сооружений натолкнуло на мысль о том, что в эту страну стоит возвращаться за культурной подпиткой, за вдохновением... и не придумаешь более подходящего места, где доступно подняться над проблемами жизни – как прямо – в горы, так и в переносном смысле.

Но, возвращаясь к началу, только собираясь на фестиваль и желая узнать подробнее о пункте назначения в Интернете – появились лишь поводы для беспокойства. Видимо, Сеть была наводнена изрядно устаревшей информацией, и хотелось бы сказать – не верьте! Не бегают в столице Грузии по центральным улицам кабаны, не броса-

ются собаки, а потому прививку от бешенства делать не обязательно (как было рекомендовано на одном из порталов), и насекомых в приличных отелях нет, а вот горячая вода есть и в неограниченном количестве.

Безусловно, участникам фестиваля обеспечили максимальный комфорт его организаторы, – экскурсоводы, походы в музеи, обеды в лучших ресторанах, отели с большим количеством звезд, хороший транспорт. Но только подумалось тогда, что ехать отдыхать в Грузию можно, и более того, вполне разумно хотя бы раз отдать предпочтение этой неизведанной и замечательной стране, а не отправляться очередной раз к европейским соседям, как две капли воды напоминающих дом. А если есть необходимость в комфорте, то стало очевидным, обеспечить себе его в Грузии тоже можно.

Что касается цен, то для туристов они, как и везде. Безусловно, Грузия – страна не для шоппинг-тура. Вы потратитесь лишь на достойное проживание, питание, экскурсии, музеи (что очень дешево в сравнение с европейскими) и сувениры. Что касается транспорта, то на такси можно передвигаться постоянно и по очень хорошим ценам. Городской автобусный парк, правда, немного староват, но есть и хорошие автобусы, на которых передвигались мы.

И даже когда только прибыли ночью в Тбилиси и нас везли из аэропорта в отель, водитель предупредил, что если кто-то был в городе последний раз несколько лет назад, то теперь может его не узнать – очень многое отстроено, что-то восстановлено, Тбилиси сильно изменился, похорошел.

И если бы не последние ужасные события, то хотелось бы позвать
всех непременно посетить Грузию, ведь даже визу в эту страну открывали
всего лишь по заполненной на скорую руку анкете, к которой
не требовалось даже фотографии...
И получалось тогда, что в сказке-то оказаться совсем не сложно...

1.

Я для себя открыла Грузию –
Под небом горные хребты.
Как жаль, что с этой древней музою
Мне никогда не быть на «ты».

Ее безмолвное величие
Перстом к моим живым губам,
Неоправдающим наличие
Какой-то склонности к стихам...

И я молчу, замороженная...
Мне будто нечего сказать.
Болезнью странной пораженная...
В висках стучит: «хочу назад».

2.

На случай не делаю ставок,
Но было бы честным признать,
Что этот внезапный подарок –
Его под судьбою печать.

Тбилиси... Батуми... так странно
Попасть было в эти пейзажи.
И смысл возможности данной
Не сразу открылся мне даже...

Ведь там, где небритые горы
Стеной охраняют дороги,
В душе разрешались те споры,
Что мучили долго и строго.

Я дома была их мишенью,
А тут получилось согреться,
Когда принимала решение,
И внятно озвучило сердце:

Не буду жить жизнью медузы,
Довольствуюсь купленным хлебом.
Все просто. Вернулась из Грузии –
Страны, где высокое небо!

3.

Я десять дней купалась в Грузии –
Архитектурная река...
В ней столько страсти необузданной...
На дне ее не ил – века!

Мои сравнения абсурдные
Пусть одно покажут вам –
Что возвращенье было трудное
К своим ручьям и родникам!

4.

Улочка старая. Дом перекошенный.
Грустный балкон, видно кем-то заброшенный.
Дети под ним. Пыльный мяч ударяется
В слабый забор. Ну, а мне наблюдается...

Лето. Жара. Я тут гостя залетная.
Новая местность за шторкою плотною.
Чуть отодвину ее от окна...
Номер в отеле... с комфортом... одна.

5.

В Батуми

Теплое море, привет от холодного! –
Очень просило тебе передать...
Мне же, дай волю, я сколько угодно бы
Снова твою нарушала бы гладь.

Знаю, вернусь – улыбнусь виноватая.
Может, не станет меня ревновать
Берег балтийский – песок бежеватый,
Зная твою каменистую стать.

Эту сама донесу информацию
Морю любимому в дальней стране,
Чтобы вдвоем воспевать твою грацию...
Что-то затронул Батуми во мне.

Мой нежный мальчик, счастье зыбко...
Но я смогла его поймать
В одной твоей полуулыбке,
Что буду долго забывать...

Пусть этот миг – воспоминанье,
И все, что больше – лишь в мечтах,
От откровенного признанья
Меня удержит детский страх...

Мой нежный мальчик, улыбайся...
И смейся, голосом звеня,
Ведь, опоздав, разобралась я,

Что мог ты значить для меня...

А что теперь? Пусть время лечит
На сердце маленький заруб,
Где память спрячет целый вечер
В одном простом движенье губ...

Сентябрь 2007

КВИЖИНАДЗЕ ЗАУР (РОССИЯ)

Родился в 1938 г. Поэт, драматург, поэт-песенник. Окончил МГУ. Член Союза театральных деятелей России. Автор детских пьес и инсценировки «Закон вечности» по роману Н. Думбадзе (в соавторстве с Г. Жордания). Пьесы ставились на сценах театров разных городов мира. Выпустил сборник «Стихи и песни Уходящего Слона». Один из первых целинников. Работал на нефтяных промыслах Западной Сибири, на Грузинском телевидении в Тбилиси, более десяти лет был литературным редактором Тбилисского русского драматического театра им. А.С. Грибоедова, играл в спектаклях, работал на киностудии «Круг» киноконцерна «Мосфильм» под руководством Рената Давлетьярова и Сергея Соловьева. Снимался в художественных фильмах и сериалах. Старший редактор Программной дирекции телеканала НТВ.

Стихи, навеянные поэтическим фестивалем

«ძველი მეტეხი», нумери რვა...
Кругом от счастья идет голова!
То, что я вижу – прекрасней Мечты!
В мире такой не сыскать красоты...

Я выхожу на просторный балкон.
В пропасть Куры обрывается он.
А за Курой высоко над горой –
Грузия-мать стережет наш покой...

Пальцы сжимают карающий меч
Чтобы всех нас от врагов уберечь,
Ну а к друзьям благосклонна она –
Это для них ее чаша вина...

Грузია, ზემო, храни тебя бог!
Здесь, как бальзам, для меня каждый вздох...
Счастье – волшебный вдыхать аромат...
Встрече с тобой бесконечно я рад!..

Тбилиси, июль 2008 г.

Нине – просветительнице Грузии

Равноапостольная Нина!
Когда ты в Грузию пришла,
Как драгоценную святыню
Ты крест с собою принесла.

И в том кресте великой веры,
Сплетенном из лозы, простом,
Скрыт символ величайшей эры,
Открытой нам самим Христом...

Живет Иверия родная
Тобой начертанной судьбой,
Любя тебя и почитая,
Навек крещенная тобой!..

Моим друзьям

Стены Авлабара,
Старая чинара,
Вы как будто знаете:
мы теперь одни...
Ведь мои ребята
От меня куда-то

Навсегда уехали...
Где теперь они?...
Как же мне забыть вас?
Кем мне заменить вас?
В каждом сне, в бреду я,
К вам иду-бреду я...

Припев: Где же вы? Где же вы?
Милые друзья?
Где же вы? Где же вы?
Как же теперь я?

Мне в толпе вокзальной,
В хашной и хинкальне
Чудятся знакомые с детства голоса...
Но мираж проходит,
И опять приходит
Грусть-тоска холодная и печаль-роса...
Как же мне забыть вас?
Кем мне заменить вас?
В каждом сне, в бреду я,
К вам иду-бреду я...

Припев.

КЕНЖЕЕВ БАХЫТ (КАНАДА)

Родился в 1950 г. Поэт, прозаик. Окончил химический факультет МГУ. Один из учредителей поэтической группы «Московское время» (вместе с Цветковым, Сопровским, Гандлевским). С 1982 г. живет в Канаде, сотрудник разнообразных (нелитературных) организаций и учреждений. Автор пяти романов, одиннадцати поэтических книг. Участник многих поэтических фестивалей. Публиковался в переводах на многие языки мира. Член Русского ПЕН-клуба. Входит в жюри различных литературных премий. Лауреат многочисленных литературных премий, в т.ч. премии журнала «Октябрь» (1992), Союза молодежи Казахстана (1996), «Антибукер» (2000), «Москва-транзит» (2003), «Антология» (2006).

месяц цинковый смотрит в окно
одноглазый сквозь зимнюю тьму
столько всякого сочинено
а зачем до сих пор не пойму

добросовестной смерти залог
феникс нет городской воробей
истлевающий друг-каталог
детских радостей взрослых скорбей

помотаю дурной головой
закрывая ночную тетрадь
жизнь долга да и мне не впервой
путеводные звезды терять

месяц медленный в темном окне
все нехитро чудесно старо
и молчит астронавт на луне
словно нищий в московском метро

Побыв и прахом, и водой, и глиняным
болваном в полный рост, очнуться вдруг
млекопитающим, снабженным именем
и отчеством. Венера, светлый дух,
еще сияет, а на расстоянии,
где все слова – «свобода», «сердце», «я» –

бессмысленны, готовы к расставанию
ее немногословные друзья.

Ты говорил задолго до Вергилия,
на утреннем ветру простыл, продрог,
струна твоя – оленье сухожилие,

труба твоя – заговоренный рог.
Побыв младенцем, и венцом творения –
отчаяться, невольно различать
лиловую печать неодобрения
на всем живом, и тления печать.

Жизнь шелестит потертой ассигнацией –
не спишь, не голодаешь ли, Адам?
Есть многое на свете, друг Горацио,
что и не снилось нашим господам.

Еще царит в пространстве диком
Господний сумрачный уют,
В нетвердом воздухе безликом
Создания длинные снуют,
Но не занять им обороны,
И рыбку-аурум не съесть.
Должно быть, чайки? Нет, вороны,
А может, вороны – бог весть.
Бог весть! Но сердце красной тенью
Уже склоняется туда,
Где муза – пыльное растение,
И горло – праздная звезда.

У каждого, братия, свой талант,
и счастья – как из ведра.
Проворовавшийся интендант
тоже хотел добра,

когда полковнику гнал пургу,
не ведая, что творит,
когда по ночам продавал врагу
порох, хлор и иприт.

Известно, что бывает в таком
случае: полный абзац.
Звонят железом, скрипят замком,
ведут на пустынный плац.

Молчит священник. Поздно рыдать!
Бледна звезда в синеве.
Беда. И пенсии не видать
бездомной его вдове.

КОБРИН ЮРИЙ (ЛИТВА)

Родился в 1943 г. Поэт. Заслуженный деятель искусств Российской Федерации (2005), Кавалер Рыцарского креста ордена Великого князя Литовского Гядиминаса (2003). Ведет мастер-класс в Вильнюсском государственном университете, возглавляет жюри литературных конкурсов. Публикуется с 1961 г. Учредитель и заместитель председателя правления МФРП. Официальный представитель МФРП в Литве.

Из цикла «Гены Ганнибала»

1. У Черной речки

R20; Умирая, Пушкин просил морошки...R21;
Из воспоминаний современников.

I

Слова, птенцы мои озябшие,
ваш путь к теплу и к счастью долог.
Взлетели снегири и зяблики,
чтоб утолить рябиной голод.
Но ягода такая красная...
Но ветвь в мороз такая голая!
Что в клювы ягода опасная
вкатилась раскаленным оловом.
И птицы враз обезголосели.
Застыл на горле сгусток крови.

Мир из объемного стал плоским,
миниатюрным из огромного.
В зрачки жестоко солнце падает.
И кто от этого не вздрогнет!
Еще не выдуманно снадобье,
чтоб зябликам вернуть здоровье.
И в забытии знакомом, чутком R12;
R20;... морошки бы. Испить воды R21;.
Гортань суха. Стук сердца жуток.
И вздох как вскрик. Туман как дым.
Он разве знал, неловко падая
на свой последний в жизни снег,
что зяблики пушистым градом
с ветвей падут в ладони мне.

II

Давай мы все переиначим.
Решим наоборот задачу,
чтоб тот неправильный ответ
стал правильным. И чтобы не т
вдруг стало д а. Тем паче,
что мы нисколько не заплачем.
Когда подступит к горлу ком R12;
его улыбкой разобьем
и радость с горем разопьем
вдвоем...

Звени, фужер!
На этажерке,
страшнее орудийных жерл,
стоят тома. Прости, мон шер,
что нож в паштет, как шпага, воткнут,
что съедена уже селедка,
что выпита до капли водка...
Но плюнем мы на политес:
ему не место нынче здесь.
Твое собрание сочинений -
страшнее, чем любой нарсуд.
Рожден единожды был гений...
И в этом, к сожалению, суть.
Но все же мчатся к Черной речке,
не веруя в итог, в конец,
сто тысяч мальчиков беспечных...
О Пушкин, отведи свинец.

1967

2. В час сердца

Когда нам суета сует прискучит,
в воскресный день поедем мы в Маркучяй*.
Там дом старинный на холме парит,
там медь сосны вызванивает в небо,

там колокол в часовне стонет немо,
там замкнут круг. Его не повторит
мой современник. Гены Ганнибала,
гонением страстей вас разметало
по разным странам. Чернотой металла
сухие губы время обметало,
и косточка височная мозжит.
Не хочется ни спорить, ни перечить,
внимать глупцу, вникать в пустые речи.
Гляди R12; прозрачна под откосом речка,
гляди R12; рябина празднично горит!
Одна земля... Она питает корни.
Она одна и дух, и тело кормит.
Одна она по-честному пристрастна,
земля одна R12; во времени, в пространстве.
Единственную как же не любить!
Но я гуляю в обществе фантаста,
а он совсем иное говорит.
Он худ и юн. Он в меру авантюрен.
Он презирает всякую натуру,
в которой искривляется пространство
и невозможен старомодный быт...
Парит усадьба над холмом покатым;
не улетает R12; ждет: взойдешь пока ты.
Там над могилой крест; он R12; как докатор!
... Григорий Александрович лежит...

Сюда в Маркучяй прибегают дети.
Разъята ль связь? Никто вам не ответит.
Но дети помогают быть на свете
и тем, чей голос незаметен, тих.
Почаще приезжайте вы в Маркучяй.
Здесь R12; дети, дети многому научат.
... не пережить бы их...

1974

* Усадьба на окраине Вильнюса, в которой жил сын поэта Г.А.Пушкин с 1887 по 1905 г. Ныне R12; мемориальный музей А.С.Пушкина.

3. И вновь о Натали

А Пушкин знал, R12; пустышка Натали.
После него к ней не проявит интереса
никто, когда не встать под пистолет Дантеса,
женатого на R20; ручке от метлы R21;
Беременной тщеславной Натали,
кормящей толстой, ей ли до измены?
Но сплетни R12; дура! R12; проникают в стены
и эхом отзываются, как R20; пли! R21;
Да, Пушкин знал: в казарму Натали
кавалергардскую пошла для интереса...

Зачем она бисексуального Дантеса
жалела, не сказала: R20; Отвали! R21;?
И Пушкин знал, что если с Натали
делить до старости придется век суровый,
стихам R12; звездеч... Они бы не смогли
рождаться рядом с бывшей Гончаровой.
Как Пушкин знал, R12; простушка Натали!
Ах, косоглазке бы, хоть часть ума сестрицы
Александрины, поменять бы девкам лица,
то, Господи, печали утоли!..
И он встает. Глупышку Натали
усталыми глазами, точно лань ласкает,
был очарован Гончаровой... Но Ланская
сильнее в Ташечке, так надо ли
непонимающую Натали
отдать бессмертию с бесславием Дантеса,
сенатором умершего вдали,
но в этом Пушкин. Вы бы так смогли?

20-28 марта 1998

ЛИТВИНОВА НАТАЛИЯ (ДАНИЯ)

Родилась в 1961 г. Поэт. Окончила филологический факультет МГУ. С 1989 г. живет в Дании. Преподает родной язык и литературу, читает цикл лекций по истории русской культуры при Российском центре науки и культуры. Член редколлегии журнала «Новый Берег». Стихи и статьи публиковались в журналах «Нева», «Дружба народов» (Россия), «Русский клуб» (Грузия), «Люблю!» (Латвия), газетах «Русская мысль» (Франция), «Словесность» (Израиль) и др.

Девять незабываемых дней

Сколько себя помню, я всегда мечтала побывать в Грузии. Когда была маленькой, манило очарование гор и изящество необыкновенных грузинских храмов. Стала постарше – любопытство будоражили строки Пушкина, Лермонтова, Одоевского, Бестужева-Марлинского и Льва Толстого, удивительная судьба Грибоедова, чья усыпальница находится в Тбилиси. В студенческие годы не без зависти слушала рассказы взхлеб своих друзей, вернувшихся из Грузии: об удивительном гостеприимстве, открытости и щедрости людей, о многоголосом пении под звездным небом, о башнях сванов, взбирающихся все выше и выше по склонам гор – к самым облакам...

Но побывать там как-то все не доводилось...

А потом я и вовсе переехала в далекое холодное Датское Королевство и с болью в сердце распростилась с самой надеждой увидеть когда-

либо землю, о которой столько мечтала.

Но – милостив Господь! И в этом году моим чаяньям суждено было сбыться. Причем я и помыслить не могла о подобном счастье: не просто праздным туристом посетить Грузию, но принять участие во втором Международном русско-грузинском поэтическом фестивале.

Действительность превзошла все мои самые смелые ожидания! Красота природы: горы, чьи вершины тонут в кучевых облаках; бурлящие пенные реки в окантовке взметнувшихся скал и низвергающиеся – кажется, с самого поднебесья – водопады; удивительные люди: с их гостеприимством, щедростью, не сходящими с уст улыбками и тысячелетней мудростью и печалью в глазах; православие, которое Грузия приняла в IV веке, миниатюрные храмы с конусообразными куполами, яркие выразительные фрески и иконы, где Богоматерь держит на ладони младенца Христа и виноградную гроздь, – все это покорило и пленило меня навеки!

А если еще прибавить к этому чудесные встречи с лучшими грузинскими и русскоязычными поэтами, живущими на четырех континентах; поражающие всякое воображение традиции и культуру застолья, чья цель не столько сладость яств, сколько наслаждение от общения с друзьями, – становится понятным, что участники поэтического фестиваля просто не могли не стать восторженными почитателями этой благословенной земли.

Для меня лично Международный фестиваль подарил уникальные встречи с поэтами, которых я знала лишь по Интернету и с которыми – не будь этого фестиваля – вряд ли бы мне когда-либо удалось

увидеться в реальности: с Бахытом Кенжеевым из Канады, Борисом Херсонским с Украины, с Инной Кулишовой из Грузии. Благодаря этому празднику поэзии я познакомилась с замечательными поэтами, чье творчество мне было знакомо лишь по журнальным публикациям: Андреем Грицманом (США), Максимом Амелиным (Россия), Шамшадом Абдуллаевым (Узбекистан), Олегом Цыбенко (Греция), Ниджатом Мамедовым (Азербайджан), Алексеем Алехиным (Россия), Сергеем Тимофеевым (Латвия), Глебом Шульпяковым (Россия), Марией Игнатъевой (Испания). Узнала прекрасных современных грузинских поэтов, услышала подлинное звучание не похожей ни на какие другие языки грузинской речи, запечатленной в замечательных стихах Звиада Ратиани, Шоты Иаташвили, Ники Джорджанели, Зураба Ртвелишвили.

А божественная красота Алазанской долины, открывшейся с вершины горы, на которой раскинулся – словно по мановению волшебной палочки древнего чародея – изумительный город Сигнахи, подвигла русскоязычных поэтов хором просить «поэтического убежища в Грузии».

Я глубоко и искренно благодарна организаторам фестиваля: Международному культурно-просветительскому Союзу «Русский клуб» и Международной федерации русскоязычных писателей – за высокую честь быть приглашенной на этот праздник поэзии, радости, дружбы, любви и света!

Псалмы для Грузии

Тбилиси

Нефритовой Куры крутой изгиб
Весь в изумрудной россыпи чинар,
Хор ласточек и чаек горький всхлип –
Гортанной речи первозданный дар.
Творец дорог доверчивой ладони,
Храни мой след на острых сколах скал,
Где праведник смирения алкал,
Где жаждал подвига картлийский воин,
Где ныне град в сухой гортани тонет –
Пастух заоблачных отар.

21 июля 2008 г.

Гелати

Там, в вертограде роз и млечных лилий,
На персиковой нежности небес,
Синь глаз Твоих архангелы излили
На сирот, на скитальцев и повес.
Лозою там увиты стопы Девы –
И Та досель хранит любви исток.

О, не отринь мой вздох и мой оброк –
Сих бедных строк чуть слышные напевы.

22 июля 2008 г.

Сигнахи

Но выше королька и ястреба бесстрашной
Вознесся чудный град на крыльях мотылька.
За конусы церквей и за бойницы башен
Цепляются пером подбрюшным облака.

Здесь ангелы кропят живой водой долину
И вьется Алазань лозою горних слез,
Здесь адамиани был вылеплен из глины
И первобытным камнем в землю врос.

И, если мне дано восстать из праха,
О, Боже, сделай так, чтобы в Сигнахи!

* Адамиани – человек (груз.)

25 июля 2008 г.

Аджария

Звиаду Ратиани

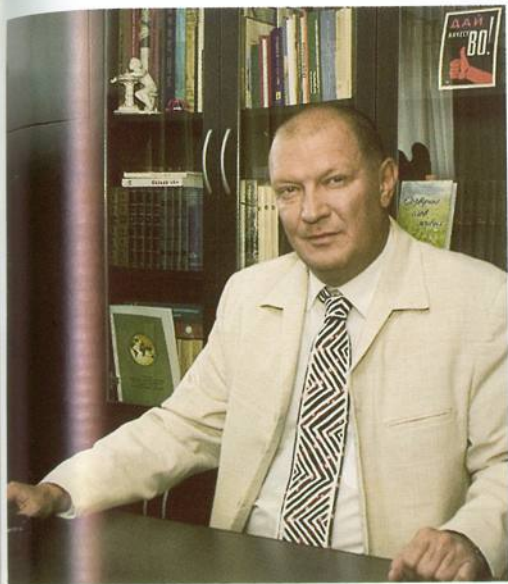
Не Ты ли был так щедр, что и меня привел
Увидеть Грузию, припасть к ее истокам
И полюбить ее детей оленеоких,
Исполненных печали бедных сел?

И труд, и пот, и холод пенящихся рек,
И над обрывом белый крест каппадокийский,
И чернь, и соль, и блеск бездонных вод понтийских –
Здесь в сладкий полон я взята навек.

Гортанный гордый звук подоблачных речей
Поет в вине, в камнях, в стихах любви и смерти.
Продли часы детей Твоих, мой нежный Гмерти,
Сияй во славе – в бездне их очей!

* Гмерти – бог (груз.)

26 июля 2008 г.

Николай СВЕНТИЦКИЙ

*Президент МКПС «Русский клуб»,
учредитель и официальный
представитель
Международной федерации
русскоязычных писателей в Грузии*

Олег ВОЛОВИК
*Учредитель и председатель правления
Международной федерации
русскоязычных писателей (Венгрия)*

В детском городке «Мзиури»
им. Нодара Думбадзе

Участники фестиваля

Возложение венков
к памятнику
В.В.Маяковского
в Дигоми

Снимок на память

У Сионского собора в Тбилиси

В Пушкинском мемориале
дома Смирновых

У Дома-музея В.В.Маяковского
в Багдади

Дмитрий Быков (Россия)
на поэтическом вечере
в Багдади

Олеся Канева (Эстония)
на поэтическом вечере
в Багдади

На Приморском бульваре
в Батуми

У памятника А.С. Пушкину
в Батуми

Участники фестиваля

Участники фестиваля

На презентации музыкального
диска Заура Квижинадзе

Добро пожаловать в Аджарию!

Максим Амелин (Россия)
дает интервью
Грузинскому телевидению

Звиад Ратиани (Грузия), Инна
Кулишова (Грузия), Бахыт
Кенжеев (Канада)

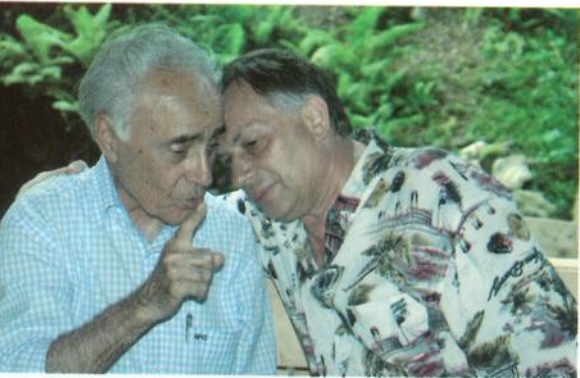

Борис Казинец (США) читает
стихи В.В.Маяковского

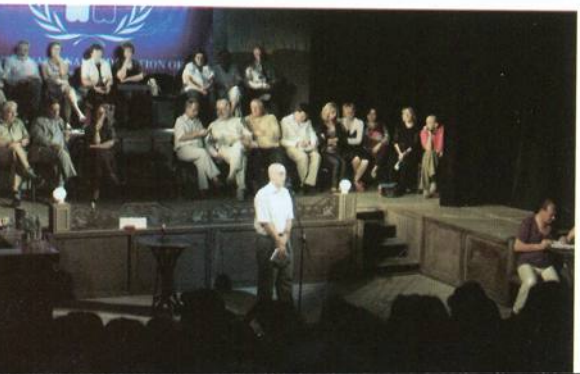

Участники фестиваля у храма
Святой Троицы в Тбилиси

Фридон Халваши (Грузия) и
Михаил Синельников (Россия)

На презентации
юбилейного сборника
журнала «Литературная Грузия»

В Верхней Аджарии

Шамшад АБДУЛЛАЕВ
(Узбекистан)

Алексей АЛЕХИН
(Россия)

Аннелиза АЛЛЕВА
(Италия)

Максим АМЕЛИН
(Россия)

Натан БААЗОВ
(Грузия)

Александр ГЕРАСИМОВ
(Россия)

Нико ГОМЕЛАУРИ
(Грузия)

Маквала ГОНАШВИЛИ
(Грузия)

Андрей ГРИЦМАН и
Наталья ГАСТЕВА
(США)

Ника ДЖОРДЖАНЕЛИ
(Грузия)

Шота ИАТАШВИЛИ
(Грузия)

Елена ИВАНОВА-
ВЕРХОВСКАЯ
(Россия)

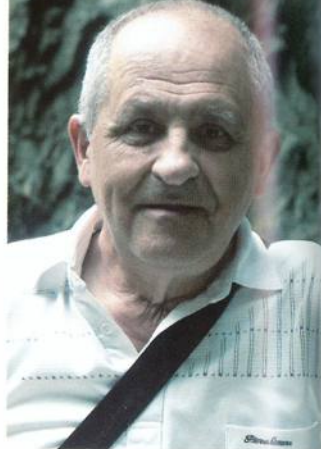

Мария ИГНАТЬЕВА
(Испания)

Елена ИСАЕВА
(Россия)

Заур КВИЖИНАДЗЕ
(Россия)

Бахыт КЕНЖЕЕВ
(Канада)

Юрий КОБРИН
(Литва)

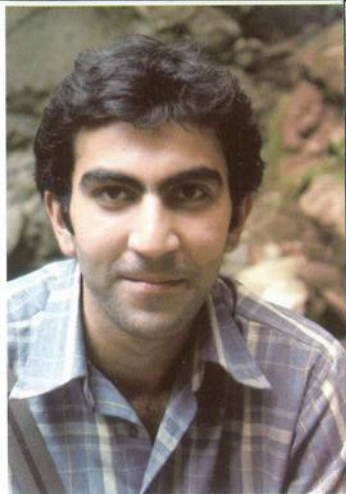
Наталия ЛИТВИНОВА
(Дания)

Ирина ЛОПУХИНА
(Россия)

Артур МАКАРОВ
(Россия)

Ниджат МАМЕДОВ
(Азербайджан)

Давид МАРКИШ
(Израиль)

Римма МАРКОВА
(Швеция)

Валентина ПОЛИКАНИНА
(Белоруссия)

Надя ПОПОВА
(Болгария)

Звиад РАТИАНИ
(Грузия)

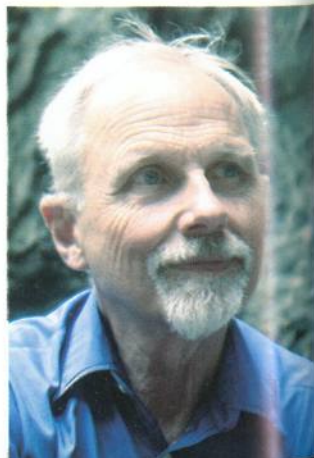
Зураб РТВЕЛИАШВИЛИ
(Грузия)

Владимир САРИШВИЛИ
(Грузия)

Дмитрий СТРОЦЕВ
(Белоруссия)

Никита СТРУВЕ
(Франция)

Нина ТАРХАН-МОУРАВИ
(Голландия)

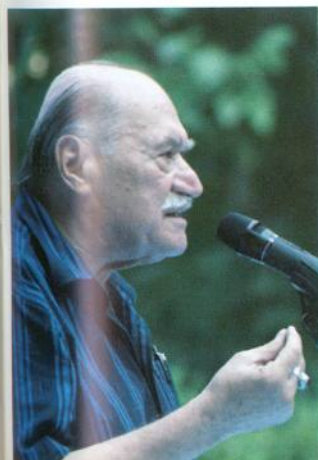

Сергей ТИМОФЕЕВ
(Латвия)

Борис ХЕРСОНСКИЙ
(Украина)

Джансуг ЧАРКВИАНИ
(Грузия)

Давид ЧИХЛАДЗЕ
(Грузия)

Глеб ШУЛЬПЯКОВ
(Россия)

На приеме у
Католикоса-Патриарха
всех Грузии Илии II

Грузинская письменность

Виноградины грузинской вязи
Для меня – ей чуждой – тайна тайн:
Отпечатки птичьих лап по бязи,
Иль по шелку подпаленный край,
Или вьющейся лозы биенье –
Сока ток, и слез, и горных рек,
Божьи игры, ангелов паренье
Или дрожь оленьих смуглых век.

26 июля 2008 г.

ЛОПУХИНА ИРИНА (РОССИЯ)

Родилась в 1958 г. Окончила филологический факультет МГУ. Преподаватель русского языка как иностранного. 25 лет проработала в Государственном институте русского языка им. А.С. Пушкина, с 1999 по 2004 гг. – секретарь Президиума Международной Ассоциации преподавателей русского языка и литературы, с 2004 по 2006 гг. – директор курсов русского языка при Российском центре науки и культуры в Варшаве (Польша). Заведующая отделом массовой работы и культурных программ Дома Русского Зарубежья. Печаталась в журналах «Русский язык за рубежом», «Вестник МАПРЯЛ», «По свету» (Германия) и др.

Пока на нашем фестивале
Мы мирно пили цинандали,
Жевали пхали и хинкали
Под тосты мирные грузин,

Стущались тучи над Цхинвали,
И мы тогда еще не знали,
Что гор заоблачные дали
омоют слезы осетин.

И я как будто виновата,
Что снова брат стреляет в брата...

МАКАРОВ АРТУР (РОССИЯ)

Родился в 1960 г. Поэт, публицист. Окончил театральное отделение Харьковского института искусств им. И. Котляревского. Печатается с 1976 г. Член поэтического сообщества «Голоса Арбата». Сыграл 26 ролей в художественных фильмах и сериалах. Актер московского государственного театра «Киноспектакль». Автор сборников стихов. Член московской городской организации Союза писателей России, Литературного фонда России, Международного сообщества писательских союзов, Московского клуба поэтов. Руководитель секции МФРП поэтов.

Фестиваль поэзии в Грузии уже второй раз становится одним из самых ярких и значимых событий в моей жизни. Каждый мой приезд в Грузию дарил мне невероятно интересный калейдоскоп событий и знакомств с замечательными, интереснейшими людьми. Не верно было бы выделять из этого праздника души и разума какое-либо одно из событий, но все же, есть необходимость так поступить.

Багдади, дом одного из самых близких мне по духу поэтов Владимира Владимировича Маяковского. Я, еще школьником, перечитавший все его стихи и пьесы, изучавший по скудным советским источникам его биографию, сижу на кровати и держусь руками за колыбельку, где родился этот вулкан русской поэзии.

Сколько мыслей и чувств нахлынули на меня одновременно. И вспомнился мне далекий 1976 год. Меня, пятнадцатилетнего мальчишку, пригласили в редакцию журнала «Пионер». Журнал опубликовал мои первые стихи в разделе детского творчества «Кораблик». Поначалу не верили, что подросток пишет такие взрослые стихи, собрали почти всю редколлегию, но когда я прочитал несколько других стихотворений из черновой тетради, поверили, и даже наградили почетным значком «50 лет журналу «Пионер»». Я честно сознался, что нахожусь под влиянием творчества Маяковского, и когда пришла пора прощаться, одна пожилая дама, взяла меня под локоть, отвела в сторонку и очень тихо, так сказала:

- Послушайте, юноша, мне доводилось видеть Маяковского. Он был вхож в наш дом, мои родители были с ним очень дружны.

Это была Елена Львовна Коваленко, член редакционной коллегии журнала. Я был взволнован, рядом со мной стоит человек, который

не просто видел, а непосредственно общался с моим юношеским кумиром.

- Расскажите, хоть что-нибудь, что запомнилось вам больше всего, каким вы его запомнили?

- Знаете ли, я была совсем еще молоденькой девочкой, а он был эдакий франт, одевался изысканно со вкусом. Всегда был подтянут, выбрит, наглажен. В мятых брюках мне довелось его видеть только на памятнике на площади Маяковского.

Дальше шла чередой интереснейших воспоминаний о том, как он читал стихи, внезапно хватался за блокнот и делал записи, какой сильной личностью он врезался в детскую память Елены Львовны. На протяжении всего ее рассказа меня мучал один страшный вопрос и я его задал:

- Скажите, ну как такой могучий человек, жизнелюб, боец, мог пойти на самоубийство?! Вспомните строки, которые он написал на смерть Есенина!

- Молодой человек, думаю, вам не следует верить всему тому, что говорят и пишут о Маяковском. Люди, убившие Маяковского, живы до сих пор.

Эти слова заставили меня перечитать все связанное с биографией поэта. В день гибели у него была назначена встреча с молодыми поэтами. Он не ушел бы из жизни не прокричав о своей боли во весь голос. Пусть не суждено наказывать мерзавцев, но правду о его смерти должны знать люди. Они должны понимать, что творчество Маяковского это не бредни самоубийцы, это жизненная позиция громадной личности.

В Багдади я обратился к одному из священников:

- Я знаю позицию церкви в отношении самоубийц, но если я уверен, что Маяковский пал жертвою гнусного преступления, могу ли я заказать службу по душе погибшего поэта?

- Пока другую версию гибели Маяковского не примет церковь – нет.

Ответ был прям и лаконичен.

Помоги мне Господь восстановить справедливость, это нужно не павшему поэту, это нужно живым. На все воля Бога и на продолжение этой истории, ожившей в дни фестиваля тоже.

«Не делайте под Маяковского, делайте под себя» – шутил поэт. Но уж простите, Владимир Владимирович, навеяло вашей родиной:

Бывает смотришь – растёт ГОЛОВА
И дурью такою мается,
Такие с трибун молотит слова,
Что собственный зад ее ужасается.
И засевая поля вражды
Без устали может чирикать,
На многие невинные головы и зады
Готова беды накликать.
Не нам ГЛАВУ судить за грехи,
ДОЛОЙ ПОЛИТИКУ!!! МАТЬ ЕЕ!
МУЗЫКА, ПЕСНИ, ТАНЦЫ, СТИХИ –
НАША НАРОДНАЯ ДИПЛОМАТИЯ!
Не вырвать из глаз из моих слезу,

Каленым железом не вырвать, клещами...
Слезы мои побежали на звук
Песни грузинских детей ручейками.
Бездарных политиков – трутней рой,
Кто их услышит, кто их заметит,
Когда от сердца к сердцу горной рекой
Песню льют одаренные небом дети!
С Кавказом я связан богом и судьбой,
Воспитанный страной многоликой,
Все Грузии тепло возьму с собой
И разолью
ВИНОМ ЛЮБВИ ПО ВСЕЙ РУСИ ВЕЛИКОЙ!

МАМЕДОВ НИДЖАТ (АЗЕРБАЙДЖАН)

Родился в 1982 г. Поэт, переводчик, филолог. Окончил Бакинский государственный университет. Автор первой в Азербайджане монографии о творчестве Иосифа Бродского. Переводит с азербайджанского и турецкого языков – лауреат премии Министерства молодежи, спорта и туризма Азербайджанской Республики в номинации «За лучший перевод года» (2004), лауреат премии Фонда Ельцина в номинации «Молодое перо» (2007). Стихи и переводы публиковались в журналах «Арион», «Дружба народов», «Дети Ра».

Триптих

I. Мимолетность

Небольшое летнее кафе. Прохладный вечер.
Круглая и пустая луна,
висящая над головой, похожа на
букву «о» в слове «ноль». Белые плечи
официантки не дают покоя
одному из посетителей, но
страх поражения живет в нем давно –
и ты видишь, как герои сдаются без боя.

Резкий ветер приносит с моря запах
нефти, бьет по лицу и держит в лапах
волосы брюнетки, как сутенер проститутку.
Кто-то смеется, но окончание шутки
ветер вталкивает обратно в пасть.
И никто не встает, чтоб не упасть.

Рядом бывшая церковь. Она теперь
напоминает отчасти картину Ван Гога:
выбиты окна, замурована дверь.
Так Бог вспоминает тех, кто забывает Бога.

За соседним столиком ссора
постепенно остывает. Остывает в стакане чай.
Истину, не родившуюся в споре,
пытаются найти в будто невзначай
заказанной бутылке красного вина.
Но и там не найти, даже допив до дна...

По площади дама сопровождает туза,
и уже круглыми и пустыми становятся глаза
клиентов. Ты поднимаешь свои, оставляя их за.
По крайней мере, висящий сверху ноль
при взгляде снизу не причиняет боль. —
Здесь каждый сам себе шут и король.

II. Summertime

Лето в Баку. Июль. Город в лете.
Улицы ломятся от полутолых девиц.
И уже не бабочки, а в их попадают сети.
Взгляд липнет к ногам, не доходя до лиц.

Ветра нет. Затишье. Листья айвы,
тута, чинары не шевелятся, словно
окоченели. Чтоб описать жару не хватает слов, но
буквы, минимум, так же черны,

как загоревшая на солнце ребятня,
что плещется в местных фонтанах,
заменяя рыб: ссорятся, мирятся, некоторые в ранах.
В их плаче и смехе узнаешь себя.

Лето в Баку. Вишни в соку. Не найдя норы,
куда можно забиться и забыться,
растекаешься по площади, плаваясь от жары,
плюс доспехи не снять. Да ты и не рыцарь.

Проходя мимо тел, пахнущих едким потом,
задумайся о том, что же будет потом,
т.е. в конце: здания растут год от года,
башни Вавилона множатся на Содом.

Со всех сторон доносятся звуки пивных
отрыжек. Телепузик, сошедший с экрана,
рекламирует пришельцев из иных
миров. Но больше никому не кажется странным.

Видимо, это и есть ад в миниатюре.
Или все дело в том, что голова перегрета? –
Начинаешь петь про сбой в температуре
воздуха и резко ставишь точку. Песенка спета.

III. Бульварные стихи

Конец недели выгнал на бульвар
и тех, кто юн, и тех, кто стар,
сотни влюбленных и не очень пар.

Прогулочный катер на берегу,
собрав пассажиров и крикнув «у-у»
отплывает. Если кто-нибудь вдруг
выбросится за борт и рук
к нему не протянет друг, стоящий возле,
на катере есть спасательный круг,
чтоб не сокрушаться после.

Неподалеку длинная очередь к кассе
чертового колеса. Порочный круг возносит массу
желающих и вновь опускает.
Но люди не сходят, а повторяют.
Так зарождается новая раса.

Рука прилива гладит береговую бороду.
Солнце дарит зеленой листве золото
лучей, бьет по голове, точно молотом,
и накаляет сталь.
В мозгу возникает образ горящего города,

где никого не выручит помощь скорая.
И хочется выплюнуть слово, которое
в свой словарь не внес бы Даль.

Летят белые облака: раз, два,
три...десять...пальцев не хватит, чтоб их
сосчитать, а также свои грехи.
Желтое солнце, зеленая листва,
белые облака, втиснутые в стихи,
превращаются в черные буквы. Может,
и это грех? Колдовство? И я –
чернокнижник? Если так, прости меня, Боже.

прошу прости рассказчика бульварных историй
но ведь смерть придет без слов и без звука
человек исчезнет как брошенный в море
камень что всегда попадает в центр круга.

Здесь, у перил, это легче принять и молчать,
подражая рыбе, набравшей в рот воды.
Можно закрыть глаза, как в последний раз, и внимать
монологу волн на языке пустоты.

МАРКИШ ДАВИД (ИЗРАИЛЬ)

Родился в 1938 г. в семье классика еврейской литературы Переца Маркиша. Писатель, переводчик. В 1952 г. его отец был расстрелян. Окончил Литературный институт им. А.М. Горького (Москва) и Высшие курсы сценаристов и режиссеров кино (Москва). Первые литературные публикации относятся к 1958 г. В 1972 г. переехал в Израиль. Автор романов, переведенных на многие языки мира. Удостоен семи израильских литературных премий, премии Британской книжной лиги, Международной литературной премии Украины и Грузинской литературной премии им. В. Мачабели. Учредитель и заместитель председателя правления МФРП. Официальный представитель МФРП в Израиле.

ПЕРЕВОДЫ С ГРУЗИНСКОГО

Акакий Церетели
ГУРИЙСКАЯ КОЛЫБЕЛЬНАЯ

Ты пока в пеленках белых,
В люльке дедовской простой.
Вырастешь большим и смелым,
Сын любимый мой!

Я измучена неволей –
Годы рабства за спиной.
У тебя ж иная доля,
Сын любимый мой!

Ты такого не увидишь –
То, что было, скрыто тьмой.
Ты на путь широкий выйдешь,
Сын любимый мой!

Пропую тебе я «Нану».
Не забудь ее, родной...
Встань навстречу солнцу рано,
Сын любимый мой!

Ты поймешь тревоги эти,
Когда вырастешь большой...
Жизнь за зло тебе ответит,
Сын любимый мой!

Ты пока в пеленках тесных –
Будешь сильный и прямой
И споешь сыночку песню,
Сын любимый мой!

Важа Пшавела
ЗАВЕЩАНИЕ ЗЯБЛИКА

Гонит ветер изморозь колючую,
Плачет зяблик, растревожив тишь.
«Ты, всегда веселая, певучая,
Птичка зяблик, отчего грустишь?»

«Разве ты не видишь — без приюта я,
Одолел мороз меня в пути,
И сковала сердце стужа лютая...
Мне от смерти, видно, не уйти.

Не могу летать, не в силах двигаться,
Лапок от камней не оторвать.
Должен ты с детьми моими свидеться.
Рассказать, что ты видал их мать.

Пусть они меня между сугробами
Похоронят, как пройдет буран.
Из фиалок пусть сплетут мне гроб они.
Принесут мне роз из теплых стран.

Так ступай быстрее тропами горными,
Не забудь, мой милый, что сказать.
И тебя мои сиротки скорбные
Будут добрым словом помянуть».

Колау Надирадзе
ПАМЯТИ МАТЕРИ

Мы снова вместе, мама. Не сердись!
Вот маленький наш домик за стеной.
Вот лестница сбегает круто вниз.
Меня не узнаешь ты? Я иной?

Но неизменна век душа моя...
Глаза в слезах. С чего бы? Не пойму...
Гляди же, мама! Пред тобою я
Склонюсь, твои колени обниму.

Постой, моя родная! Не спеши!
Я в сад спущусь – закат готов зардеться...
В саду, под вишней, свет моей души –
Там синеокое мое осталось детство.

Алио Мирцхулава
ГАЛАКТИОН

Ты был свеченьем духа озарен.
Подобно молнии, с небес сошел ты в землю.
Сияла жизнь – как ты, Галактион, –
Небытие и смерть собой объемля.

Народ безмолвствовал – курилась тишь вдали.
Молчал народ – печаль сердца сдавила.
Раздумья о раскаянье взошли
С тобою вместе на гору Давида.

Безмолвна и Мтацминда. Там все те ж:
Луна отчизны, призраки поэтов...
В безмолвии народа зрел мятеж!
И было страшно и прекрасно это!

Ушел туда, где тишь да благодать,
Где тень лазурна и хрустальны воды...
Вселенной тайну мне не разгадать
Так же, как тайну твоего ухода.

МАРКОВА РИММА (ШВЕЦИЯ)

Родилась в 1951 г. Поэт. Окончила художественно-графический факультет Педагогического института им. А. Герцена. Последние 12 лет живет в Швеции. Автор поэтических сборников. В 2001 г. вышла книга на шведском языке «Fönstret». Постоянно печатается в журнале «Literarius» (Финляндия). Член Союза писателей Санкт-Петербурга и ПЕН-клуба Швеции.

Грузинская речь – так орешки грызут:
Ингури, мдинаре, цхали...
Протяжную песню грузины поют:
«Омши цасвла мас ухари».

Грузинские вина как воздух легки,
а горы круты и пьянящи.
Здесь люди спокойны. Коровы глухи
к сигналам машин проходящих.

Навек Сакартвело, веселый народ,
со мною останется, дарчи!
А что до работы – кто трудно живет,
тот празднует шире и ярче.

* Ингури – река в Западной Грузии, мдинаре – река, цхали – вода,
«Омши цасвла мас ухари» – «Тот рад уходу в бой» – из кавалерийс-
кой песни: «Тот рад уходу в бой, у кого хороший конь, и тот рад воз-
вращению домой, у кого хорошая жена», дарчи – останься (груз.)

Мужичок с ноготок, а собою орел –
у партнера по танцу подругу увел.

Из ансамбля бы выгнать поганца,
да нельзя нам сегодня без танца.

К нам приехали русские говоруны,
говорят, что поэты, конечно, вруны;
с ними вместе чиновные лица,
чтоб водой родниковой напиться.

И для этих чиновных гостей дорогих
(а когда мы, скажи, принимали других?)
мы танцуем, поем и играем:
пусть аджарским любуются краем.

Ну какое нам дело, о чем они врут?
Они всем нам сегодня работу дают,
подпевая разрозненным хором
поварам, и певцам, и танцорам.

А работа приносит достаток в семью.
Потому мы к столу придвигаем скамью,
веселимся, поем и играем.
И Аджария кажется раем.

Ладо Гудиашвили

Спор несется, будто танец,
отбивает такт ладонь.
Два испанца, итальянец,
три еврея и Ладо.

Только даль подходит ближе:
было – там, а стало – тут.
Воротился из Парижа
баловень и баламут.

В той стране, где Пиросмани
с краской смешивал вино,
стали женщины и лани
вместе с Ладо заодно.

Там, где снедью живописной
украшают скучный быт.
Там, где издавна и присно
стол для праздника накрыт.

2008

Тбилиси

1

В этом городе холмистом,
где нагорный Пантеон,
в этом городе слоистом
словно торт «наполеон»:

слой удачи, слой разрухи,
слой свободы, слой войны –
ходят черные старухи,
древней мудрости полны.

Ходят матери поэтов,
их застенчивых подруг,
похоронным черным цветом
охраняя жизнь вокруг.

2

В запутанных улочках узких
подолгу беседы текли.
С утра говорили по-русски.
хлеб грузинский пекли.

Цепляясь кривыми корнями
за выступы горных пород

грузины, евреи, армяне
один составляли народ.

Тбилисцы он звался когда-то
и был всем народам родня.
Здесь черным отмечена дата
этнически чистого дня.

А ласточки в воздухе реют,
а город, как прежде стоит.
Не все укатили евреи,
и русский не всеми забыт.

3

Во двореке сушится стираный хлам.
За домом впритык возвышается храм.
Еще один храм, и еще один храм
на каждом углу и подъеме.
Старинная крепость стоит на горе.
И жизнь копошится на каждом дворе
и в каждом оконном проеме.

И в бедности этой, открытой для всех,
какой-то бесовский таится успех –
успех выживания, где слезы и смех

в одном перемешаны супе.
Здесь сходится двор для высоких бесед.
И трапезу делит с соседом сосед.
И все они счастливы вкупе.

4

Там, где лесенки крутые,
там, где улочки кривые,
все в колдобинах и ямах,
неприглядные на вид,
вечный город в древних храмах
словно в бусинах стоит.

5

А нас поселили в район Авлабар,
где мудрый армянский сидит антиквар,
бездельникам свой предлагая товар.
От каменных плит поднимается пар.

От этой липучей июльской жары
все жители спрятались внутрь до поры.
Мне видно с балкона кусочек Куры
и город торговый в подножье горы.

Смотрю из-за штор, словно из-за кулис,
как улочки скопом спускаются вниз,

а ласточка снизу скользит на карниз.
Таким мне запомнится старый Тифлис.

Выйди, выйди на балкончик!
Отчего бросает в дрожь?
Так балкончик неустойчив
И костей не соберешь.

Выйди, выйди на балкончик,
посмотри на горный склон.
Это город так уклончив,
так и тянет под уклон.

Выйди, выйди на балкончик –
автомат наперевес.
День закончен, мир закончен.
Солнце падает с небес.

14 августа 2008

ПОЛИКАНИНА ВАЛЕНТИНА (БЕЛОРУССИЯ)

Родилась в 1958 г. поэт, член правления Союза писателей Беларуси, член Союза российских писателей, Международной ассоциации писателей и публицистов. Окончила филологический факультет Белорусского государственного университета, отделение «Русский язык и литература». Работала редактором, обозревателем журнала «Беларусь», редактор отдела культуры журнала «Гаспадыня». Автор нескольких книг поэзии. Автор текстов песен, исполняемых белорусскими и российскими артистами. Лауреат первой премии Союза белорусских журналистов «За лучший женский образ в современной журналистике» (2003); лауреат специальной премии Президента Республики Беларусь (2006) в номинации «Художественная литература». Указом Президента Российской Федерации награждена медалью А. С. Пушкина (2007).

ИЗ ЦИКЛА СТИХОВ «ГРУЗИНСКИЙ ДНЕВНИК»

Этот цикл стихов посвящают Международному русско-грузинскому фестивалю-2008 и его идейному вдохновителю и организатору Николаю Николаевичу Свентицкому

1

Летят времена, как кометы,
И славой грозя, и стыдом.
Стихами небесных поэтов
Разбужен космический дом.

В смертельном единстве планеты,
В одном пребывая строю,
Стихами бессмертных поэтов
Мы душу спасаем свою.

Я верю: на краешке света,
Где тянется млечная нить,
Когда соберутся поэты,
Им будет о чем говорить.

2

Всепрощающий крест, лунный свет на погосте –
И смирение вод, проникающих в кровь...
На грузинской земле собираются гости
И роднятся, молясь, чтобы встретиться вновь.

Тихо внемлет душа православным заветам,
Облаченным легко в неземную стихарь.
На грузинской земле расцветают рассветы,
Как земля и любовь, тяготея к стихам.

Чья-то гордая речь здесь хранит долголетье,
Ни на шаг не прервавшись в скалистой стезе.
На грузинской земле мы – как звонкие дети,
Капли солнца в тутой виноградной лозе.

Я – песчинка словес: так мала среди прочих,
Но весь мир привезу я тебе, Беларусь.
На грузинской земле чую силу пророчеств.
Да обнимет меня вся библейская грусть!

Обожгут небосвод все надмирные грозы,
Но от горя – сильнее и мудрей человек.
На грузинской земле я пролью свои слезы,
Чтобы этой земле не заплакать вовек.

3

Тбилиси

Царь Вахтанг пожаловал дары.
Призван быть готически-барочным –
По обеим сторонам Куры –
Этот город, зыбкий и непрочный,
Не привыкший к смеху диких скал,
Где от слез история ослепла.
Он, как зерна, камни рассыпал –
И, как феникс, выросал из пепла.
И ему лишь грезится покой.
Где еще он стены растеряет?
Но бежит... без страха... за рекой...
В золотом тумане растворяясь...

4

Куры бессонной каменные скулы.
Мосты, не обреченные дремать.
Духанно-разухабистый проулок.
Балконно-удивленные дома.

След мудрости – прощающие лица.
Дань древности – просевшая стена.
Наскально-отрешенная столица.
Пасхально-воскрешенная страна.

А камни здесь не грузны и не грубы,
Их каждый счел и выгладить сумел.
Завязана магическая дружба,
И улочки распутаны в уме.

В обычае – вино с рукопожатьем.
В лотке – невинно-чистый виноград.
«Вы гости? Вы еще к нам приезжайте!
Тбилиси будет очень-очень рад!...»

5

Мтацминда

И хлеб насущный на потребу,
И гимн, пропетый не спеша,
И вширь распаханное небо,
Где беженкой глядит душа...
Мтацминда – горние приветы,
Жемчужных слез тугая нить.
С мечтой невидимых поэтов
Сюда придешь поговорить.
О, Пантеон, в каком улове
Ты крепок стал, как бастион?..
Здесь Тициан – рисунок в слове,
Галактика – Галактион.
Грузинским словом опьянило.
Тропа не заросла травой.
Над Грибоедовской могилой
Рыдает ангел вековой.

6

Мзиури

Бездоннее взгляда, таланта бездомней
Затверженность каменных пут...
На солнечной пряди, на детской ладони

Мзиури – последний приют.
Все будет в порядке и было в порядке:
Добро – всем обещанный приз.
Играет в бессмертье душа, словно в прятки,
Пускаясь в недетский каприз.
Играет душа: не дано отсыпаться.
Ты смехом ее призови.
К вседару Думбадзе, к пожару Думбадзе
Слетаются строки любви.

7

Язык

Нам слов подарены ключи.
Да не поймут меня превратно,
Мой русский в Грузии звучит
Не как чужак, а как соратник.
Нам правил поданы азы.
Переведем же слова тонкость
На дружбы праведный язык,
Понятный старцу – и ребенку.

8

Маяковский

Свинцовый поток, лживо-узкий,
Всю ширь восхожденья сразил...
Был истинно, искренне русским,
Хотя «по рожденью – грузин».
Не будет вины и страданья,
И смерти не будет уже.
Застыла арба мирозданья
На тридцать седьмом вираже,
Где желтую выжав сорочку,
Пройдя футуристский ликбез,
Остался он жаждущей строчкой
В долгу у «багдадских небес».

11

Заклинание

Через все леса, через все моря,
Через все житейские бури,
Через смерти все принесла заря:
«Кутатури вар, кутатури...»

Чтобы не проесть, чтобы не проспать,
Чтобы не свихнуться от дури,

Чтобы дар по строчке не растерять:
«Кутатури вар, кутатури...»

Чтобы не сгореть, чтобы не пропасть,
Чтоб горой родиться в скульптуре,
Чтоб на беды все грозной тенью пасть:
«Кутатури вар, кутатури!..»

12

Гелати

И нет величественней вида,
И нет безмолвнее меня...
Следы Строителя-Давида
Дороги древние хранят.

Песочно-розовый оттенок
На ликах фресок-правнучат...
Суровы каменные стены,
Но ты услышь: они звучат!

И припади душой к Гелати,
Молитвой сердце обогрей.
Необорим и неохватен
Высокий дух монастырей.

Затеpli тоненькие свечи
За эти слезы в золотом...
За этот день, за этот вечер,
За все, что сбудется потом.

13

Пушкин

Грех снося, помышляя о Боге, –
Не великий еще, но большой, –
По Военно-Грузинской дороге
Ехал Пушкин, светлея душой.
Постигая красот соразмерность,
Горных рек неумолчный мирок,
Променяв петербургскую верность
На тифлисскую вечность дорог,
Ехал Пушкин, готовый к гоненьям,
Утешаясь слезой из-под век,
По бессонным ночам, по сомненьям –
В двадцать первый безжалостный век.
Чтобы жечь нас глаголом горячим,
Чтоб спасти – не судить да рядить,
Чтоб не дать сердцу нежиться в спячке,
Чтоб уснувшую совесть будить.
До сих пор, млея жаркой истомой,
Поэтичную тратя суму,

Едет Пушкин, до боли знакомый –
И не ясный пока никому.
Пусть же едет, не предан, не ранен, –
Так же чувствуя жизнь глубоко, –
Медной осенью, бронзовой ранью...
Остановка еще далеко.

14

Батуми

Терпкий осадок раздумий.
Яркое солнце в лицо.
Жаркое сердце Батуми.
Жадные взгляды юнцов.

Нежно цветут орхидеи.
Страстно бушует вино.
Держит немая Медея
Дней золотое руно.

17

Все для гостя – почести и слава,
И вино, и песня, и сонет,
Горный склон – и гордая держава.
Все для гостя, веришь или нет?

Все для гостя – пламенное лето,
Страстный танец водопадных струй.
Не клинок, не сабля, не ракета...
Все для гостя, только не враждуй.

Все для гостя – солнце, море, вечер:
В воды сердца душу окунай!..
Незнакомец, ты уже привечен.
Все для гостя, только осознай.

19

Тифлисская баня

*«Отроду не встречал я ни в России, ни в Турции
ничего роскошнее тифлиссских бань!»*

А.С. Пушкин

Словно скитальцы нездешних миров,
Звезд золотых побирушки,
Мы разомлеем от серных паров
В бане, где парился Пушкин.

И, позабыв генеральную брань
И рядовые печали,
Скажем: «Роскошнее нежащих бань
Отроду мы не встречали!..»

Будем плескаться, причалы найдя,
Словно тяжелые шхуны.
И, на свинцовых ногах уходя,
Долго спасаться «Тархуном».

21

У Католикоса-Патриарха
всёя Грузии Илии II

А ноты, как пчелы, собрали
Всех чувств кропотливый нектар.
И души, как скрипки, играли,
Когда говорил Патриарх.

Сияла светлейшая проседь,
Светился блаженнейший лик –
И множилось многоголосье
Хоралов, псалмов и молитв.

И были мы не иноверцы,
И нас не охватывал страх,
Когда он растапливал сердце,
Чтоб мы не блуждали впотьмах.

22

Хоть всю душой в Беларуси я,
Мне солнечный путь свой открой.
Держи меня за руку, Грузия,
Хочу быть твоею сестрой!
Не будет любовь безответною.
Душа побежит по волнам.
Держи меня за руку, светлая,
Чтоб снова увидеться нам.

25

От Белорусского вокзала
К Батумской гавани причаль...
Такой мне Грузия сказала:
Святой и светлой, как печаль.
Хоть радость в ней неистребима,
Слеза и смех – в одной цепи.
Вон месяц – коготь ястребиный –
За кожу море подцепил...
Такой мне Грузия открылась:
Душеспасительно-большой.
Как птица, спрятала под крылья
Меня с испуганной душой.
Такой мне Грузия приснилась:
Седой и стойкой, как скала.
Очнись – и вновь святая Нина
Зовет из красного угла.

* **Мтацминда** – Святая гора, где расположен Пантеон писателей и общественных деятелей Грузии.

Мзиури – детский городок, созданный по идее грузинского писателя Нодара Думбадзе, где он и похоронен.

Село Багдади близ Кутаиси – родина В. Маяковского.

«Кутатури вар, кутатури ...» («кутаисец я, кутаисец») – ответ В. Маяковского на грузинском языке.

Гелати – средневековый храмовый комплекс. Основанный в начале XII века царем Давидом IV Строителем. В XII веке здесь была создана Гелатская академия.

ПОПОВА НАДЯ (БОЛГАРИЯ)

Родилась в 1952 г. Поэт, переводчик. Окончила Литературный институт им. А. М. Горького. Работала радиожурналистом в Культурном отделе Болгарского национального радио, редактором в издательстве «Народна култура» и в журнале «Панорама» – издании для зарубежной литературы, теории и критики перевода. Главный редактор газеты «Словото днес» – органа Союза болгарских писателей. Переводит классическую и современную русскую поэзию, прозу и философию. Автор нескольких поэтических книг. Лауреат премий им. Владимира Башева за лучшую дебютную книгу, «Изворът на Белоногата» («Источник Белоногой») за целостное творчество, премия «Золотая муза» за высокие достижения и вклад в развитие русско-болгарских культурных связей. Член Союза болгарских писателей и Союза переводчиков Болгарии.

Сердце лежит ничком...

Место – Грузия. Благословенная земля, с чьими природными, нерукотворными красотами соперничают другие, созданные людьми, населяющими ее. Страна с вековыми духовными традициями, отмеченная духом свободолюбия, христианской возвышенностью, врожденным артистизмом во всех проявлениях, даже самых обыденных, бытовых. Страна поэзии и певческого многоголосья, театра, живописи и пластических искусств, страна невиданного гостеприимства.

Болгары, все еще помнящие грузинское кино советской поры, наверное, сохранили воспоминание о блистательном чувстве юмора героев тех фильмов, о знаменитых грузинских тостах, которые являются собой не просто желание произносящего продемонстрировать красноречие, а совершенно особое свойство обнять, приласкать словами человека рядом, возвысить до божественного смысла представление о дружбе.

Душевная щедрость, рука, протянутая для здравицы или для того, чтобы поддержать тебя, если нужно пройти над бездной – в этом для меня суть грузинского национального характера. То ли природный пейзаж Грузии и выпавшие на ее долю исторические испытания моделировали таким образом ее народ, то ли наоборот – Бог знает. Но соприкоснувшись с ней, проникаешься любовью на всю жизнь.

Даже сложные политические отношения между Грузией и Россией последних лет, экономические трудности не в силах разрушить ее ценностную систему, наложить на грузин печать нигилизма, уныния

или недоброжелательности.

Событие – второй Международный русско-грузинский поэтический фестиваль, в котором мне посчастливилось принять участие, было достойно этих двух великих народов, связавших с незапамятных времен свои исторические и культурные судьбы. Восстановление насильственно прерванного в последние годы диалога, приобщение к нему русских поэтов, живущих в разных странах мира и даже на разных континентах – эта благородная цель осуществляется блестяще Международной федерацией русскоязычных писателей, возглавляемой Олегом Воловиком, и Международным культурно-просветительским Союзом «Русский клуб» с основателем и президентом Николаем Свентицким. А еще – многочисленным, высококвалифицированным «штабом» сотрудников – не просто сторонников этой благородной идеи, а людьми творческими, личностями, имеющими собственный вес на поприще литературы, театра, музыки, науки, бизнеса...

Десять дней фестиваля, прошедшего среди сказочного пейзажа этой страны в атмосфере духовного и душевного подъема, согретых не только щедрым июльским солнцем, но и высоким эмоционально-эстетическим градусом, больше походили на красивое сновидение.

Июль 2008

P. S.

К сожалению, и красивые сновидения иногда внезапно, бесконтрольно – ведь они рождены подсознанием! – могут превратиться в

кошмары. Спасение лишь в пробуждении.

Спустя две недели новости из Грузии приобрели совершенно иной характер. Мир обратил взор на эту красивую страну, на ее горы, дороги и порты, но не для того, чтобы любоваться ими, а чтобы следить за продвижением войск, чтобы оценивать разрушения, наносимые воюющими сторонами. Все теми же, до недавнего времени, казалось бы, связанными лишь узами доброжелательства и близости. Над словами «сотрудничество», «дружба», «творчество» нависла тень слова «война». Или, как говорит в одном из самых коротких своих стихотворений московский поэт Алексей Алексин, «в слове «человек» застряло слово «пуля»».

Мне вспомнилась поездка по Грузии. Как человек, рожденный также в стране, богатой горами, я восхищалась горными видами, но не до такой степени, как жители равнин, у которых просто дух захватывало. Мы ехали среди ущелий горной Аджарии, мимо прекрасных водопадов и бурлящих рек, мимо старинных каменных мостов времен царицы Тамар... Чтобы попасть сюда, мы проехали по знаменитой Военно-Грузинской дороге, о которой А. П. Чехов пишет: «Это не дорога, а поэзия, чудный фантастический рассказ, написанный Демоном и посвященный Тамаре». (Позже образы из столь любимого мной лермонтовского «Демона» драматически преломнились в стихотворении Елены Ивановой-Верховской «Грузинское лето-2008», которое она мне прислала по имейлу, а я перевела). Вообще, переписка с поэтами, с которыми я подружилась во время фестиваля, после событий начала августа стала еще интенсивней. И в них неизменно присутствовала боль за Грузию, непонимание, не-

приятие происходящего. В моей электронной почте хранятся письма Наташи Литвиновой, Саши Герасимова, Риммы Марковой, Алексея Алехина, Лены Ивановой... Их мысли и стихи по этому поводу. И я не могу их стереть – это все равно что отмахнуться от тяжелых переживаний, от безумной мысли, что вслед за нашим автобусом, нагруженным надеждой и радостью, по этой же дороге прогремели гусеницы танков. И она оправдала свое название.

Напрасными остались и мои усилия переправить слова утешения и поддержки друзьям в Грузии – сайты и порталы, оканчивающиеся на *ru* без промедления были заблокированы. Но разве кто может запереть наглухо, навсегда двери, через которые входили любовь, понимание, праздник?

Когда в Софии я просматривала на экране своего цифрового аппарата многочисленные «грузинские» фотографии (свыше 280), один снимок меня поразил. Пока я снимала ворота Тбилисской Патриархии в ожидании аудиенции, которой нас удостоил Святейший Католикос-Патриарх всея Грузии Илия II, они неожиданно распахнулись. И эффект, запечатленный на кадре, удивительный: между створками чуть приоткрытых дверей – вспышка ослепительного солнечного света! Дай Бог, чтобы это случилось и наяву, не только на фото!

Август 2008

Р. Р. С.

Перед отъездом, в последний день фестиваля, когда каждый из нас пытался сказать старым или новоприобретенным друзьям как можно больше и, по возможности, сразу – замечательный молодой поэт Ника Джорджанели прочитал мне по моей просьбе стихотворение на грузинском (чтобы я могла ощутить музыку языка), а затем сделал подстрочный перевод концовки. Стихотворение оканчивается словами: «Сердце лежит ничком. Иду сквозь густое болото леса и знаю, что надо его пронести на руках, как несут детей».

Мне так хочется верить, что Грузия и Россия пронесут свои сердца сквозь вязкое болото нынешних тяжелых испытаний!

Сентябрь 2008

РАТИАНИ ЗВИАД (ГРУЗИЯ)

Родился в 1971 г. Поэт, переводчик. Получил высшее техническое образование. Печатается с 90-х гг. Был редактором издательства «Мерани», заведовал отделом поэзии в журнале «Арили». Лауреат литературных премий Союза писателей Грузии (1995, 1998), издательства «Ломиси» (1998), книжного дома «Бестселлер» (1999), Института Гете (1999), журнала «Арили» (2000), премии Важа Пшавела (2005). Автор сборников стихотворений и книг переводов. Участник Международного литературного фестиваля «Рауризер Литературтаге» (Австрия, 2004). Стихи переводились на многие языки мира.

თოვლი, თოვლი. ცხოვრება მშვენიერია

ცხოვრება მშვენიერია. გამეღვიძა შვიდის წუთებზე
და გავანათე ნაძვისხე, კარგია
მისი ფერადი ნათურების ციმციმი. ცხოვრება
მშვენიერია. ბავშვებს ძინავთ. დიდებსაც. თოვლი,
ამ სეზონზე, როგორც მახსოვს, პირველი, მოდის.
მოდის თოვლი და თენდება. ოცდათოთხმეტი –
ვამბობ ჯერ გულში და არ მომწონს. ოცდათოთხმეტი –
ვიმეორებ ხმამაღლა და ისევ არ მომწონს.
რალაც არ მომწონს მე ამ რიცხვში, მე დღეს სწორედ ამდენის
გავხდი. მინიმუმ საათნახევარი
ჩემს ხელშია, შემოძლია ვიჯდე და ვწერო.
არ შემოძლია. გარეთ ძალღი ისე აყეფდა,
ვიფიქრე, ბევრი ქონდა საყეფი,
მაგრამ მალევე მიჩუმდა. ცხოვრება
მშვენიერია. სწრაფად თენდება
და წინასწარ მეზარება ეს კონკრეტული
დღე. ცხოვრება მშვენიერია. მე ცხოვრება
არ მეზარება. მეზარება
მხოლოდ ეს დღე,
ეს თოვლჭყაპში სიარული,
მოლოცვები, არმოლოცვები, უთვალავჯერ სათქმელი მადლონ
და საამსაქმოდ შესაფერი მიმიკები. სწრაფად თენდება
და დღის შუქზე აღარ არის ისეთი კარგი
ჩვენი ნაძვისხის ნათურების ციმციმი. ცხოვრება

მშვენიერია. ჩემი გოგონა მირბის ფანჯარასთან
და ძახილით „თოვლი, თოვლი“ აყრუებს მთელ სახლს,
ჩემი ბიჭი კი პატარაა, არაფერი ჯერ არ ესმის, მაგრამ მასაც უხარია
და ხტუნავს სანოლზე. მე შემეძლო მევარაუდა
დღის ასეთი დასაწყისი,
რადგან ავდექი შვიდის წუთებზე
და პირველმა გავიხედე ფანჯრიდან. შვილო,
ეს არ არის კარგი თოვლი –
ერთ საათში ჩამუქდება, ატალახდება,
ისეთივე უღიმღამოა, როგორც რიცხვი ოცდაათოთხმეტი,
როგორც ნაძვისხის ნათურები დღის სინათლეზე,
როგორც მამაშენი სანერ მაგიდასთან.
მაგრამ ეს სიტყვები, ჩემო შვილო, ცუდი სიტყვებია,
ხოლო თოვლი, ეს თოვლი, კარგია.
და მამაშენიც, სხვათაშორის! ვიდრე იგი სახლიდან გავა,
ვიდრე თეთრ გზას მანქანები ააჭყაპებენ,
ერთხელ უთხარი, ჩასჩურჩულე – „ოცდაათოთხმეტი“,
ისე კი არა, სიხარულით, როგორც დიდხანს გაიძახდი „თოვლი-
თოვლიო“
და ძმას, თუმცა არაფერი არ ესმოდა, მაინც უხაროდა,
არა, უბრალოდ ჩასჩურჩულე – „ოცდაათოთხმეტი“
და მამაშენი გალამაზდება,
და მსუბუქად გატოპავს თოვლჭყაპს,
მიიღებს მოლოცვებს, მოიხდის მადლობებს
და ერთხანს იქნებ არც გაახსენდეს,

როგორ გართულდა ცხოვრება,
როგორ გამარტივდნენ ოცნებები. ცხოვრება
მშვენიერია.

Снег, снег. Жизнь прекрасна

Жизнь прекрасна. Проснулся в начале седьмого
и зажег огни нашей елки, хорош
блеск ее разноцветных свечей. Жизнь
прекрасна. Дети спят. И взрослые. Снег,
первый, кажется, в этом сезоне, падает.
Падает снег, и светает. Тридцать четыре –
шепчу я себе. Нет, не годится. Тридцать четыре –
повторяю погромче. Опять не то. Что-то не нравится
в этой цифре; а ведь именно столько исполнилось мне
сегодня. Минимум полчаса
в моем распоряжении, могу сидеть и писать. Нет,
не могу. За окном залаяла собака, и так энергично,
что я подумал: ей еще о многом и многом лаять,
но она вскоре притихла. Жизнь
прекрасна. Быстро светает,
и заранее ленюсь прожить этот день, этот
конкретный. Я не о жизни. Жизнь
прекрасна. Жить я люблю. Я ленюсь прожить
именно этот, наступающий день,
шагать по грязи – ведь снег в этом городе не держится долго,

принимать поздравления, не-поздравления, говорить «спасибо»
с соответствующей мимикой. Быстро светает,
и в дневном свете уже не так хорош
блеск разноцветных елочных свечей. Жизнь
прекрасна. Моя дочка бежит к окну
и с криком «снег, снег» несется по дому,
а сын еще маленький, ничего пока не понимает, но и он радуется
и подпрыгивает на кровати. Я мог предугадать
такое начало дня, так как проснулся в начале седьмого
и первым увидел снег за окном. Дитя мое,
не так уж и хорош этот снег –
час, другой и растает, превратится в грязь,
он так же безжизненен, как число Тридцать Четыре,
так же бездушен, как блеск елочных свечей в дневном свете,
бесплоден, как твой отец за письменным столом.
Но эти слова, дитя мое, плохие слова, а снег – снег хорош,
и твой отец, представь себе, тоже. Пока он не вышел из дому
на улицу, где снег еще не затоптан и чист,
скажи ему что-то, неважно что, любое слово шепни,
пусть даже бессмысленное Тридцать Четыре,
и он станет красивее, чем был, и с легкостью будет шагать
по тающему снегу,
принимать поздравления, благодарить поздравляющих
и хотя бы некоторое время не вспоминать,

как усложнилась жизнь,
как упростились мечты. Жизнь
прекрасна.

შენ იწევი საძინებლის კარისკენ ზურგით
და მე, კართან მდგარს, ვერ მხედავდი. შენ კითხულობდი,
მე კი ქენჯნა მახრჩობდა, დედი.

დედი, დახურე ჩემი წიგნი, გადადე სკამზე.
ლამპას გადაწვდი და ჩააქრე.
დაიძინე. არაფერზე იფიქრო, დედი.

არც აქ, დედი, არც ამ წიგნში
არაფერი წერია შენზე.

და შენ დახურე ჩემი წიგნი, სკამზე გადადე.
ლამპას გადაწვდი და ჩააქრე. შემდეგ ბნელოდა
და ველარ მივხვდი, გეძინა თუ ფიქრობდი, დედი.

გამახსენდა, როგორ განვიცდიდი ადრე,
რომ ჩემი ლექსები არ გავდნენ ცხოვრებას.
გამეცინა საკუთარ თავზე.

Ты лежала к двери спальни спиной
и меня, стоящего у двери, не видела. Ты читала,
а я от стыда задышался, мать.

Мать, закрой мою книгу, отложи на стул.
Дотянись до лампы и свет погаси.
Засни. Ни о чем не думай, мать.

Нет, мать, и здесь,
и в этой книге ни строчки
не найдешь о себе.

И ты закрыла мою книгу, отложила на стул.
Дотянулась до лампы и погасила свет. Стало темно,
и я не понял, ты спала или думала, мать.

Мне вспомнилось вдруг, как я переживал когда-то,
что стихи мои не были похожи на жизнь.
Еле сдержался от смеха.

Переводы Инны Кулишовой

რტველიაშვილი ზურაბ (გРУЗИЯ)

Родился в 1976 г. Поэт. Участник коллективного сборника «Аномальная поэзия» (1993). Активный деятель альтернативных литературных мероприятий. Занимается мультимедийными проектами. Участник поэтических и театральных фестивалей «Поезд», «Мзиური», «Арт-Кавкасиа», «Gift». Автор поэтических сборников. Внесен в антологию грузинской современной поэзии.

წმინდა მგლების ლოცვა

წმინდა მგელი ვარ,
ვერცხლისფერი დავფარე ველი –
ულუფას ველი შენი ხელით
უფალო წმინდა !
მე ვარ მძევალი საკუთარი ნიჭის
და მცველი
(ა) უუუუუუუუუუუუუუუუუუუუუუუუუუ
შენდამი ჩემი ლოცვა
მიიღე წმინდად !
თაკარა მზეა ჩემი მოწმე,
მიელავს თვალში
უნეტარესი და სასტიკი
ნადირის მზერა,
ბევრ ხიფათს ავცდი,
როცა ცხელ მსხვერპლს

ვედექი კვალში,
ასეთი არის წმინდა მგლების
მრწამსი და რწმენა!..
არა მწამს ფიცის,
მაგრამ ვიცი,
სავსეა თასი
მე ამ თასს ვიცავ,
როგორც წმინდა გრაალის მცველი
მგელი ვარ!
მინდა გამოვცადო სიფხიზლის ფასი
ან
ვეცე ყელში თუ მომეცა
ამისი ნება...
ამ ბგერებს ცისკენ,
როგორც ღრუბლებს
ყმუილით ვდეენი!
ჩემი ძელია გზები გრძელი
უფალო წმინდა!
მე ვარ მძევალი საკუთარი ნიჭის
და მცველი
(ა)უუუუუუუუუუუუუუ
შენდამი წრფელი ლოცვა
მიიღე წმინდად...

Молитва святых волков

Святой волк я,
Серебристую долину пробежав –
Я долю свою ожидаю из рук Твоих
Боже святой!
Я заложник своего таланта
И страж его
(а)уууууууууууу
Прими мольбу мою к Тебе
Святую!
Палящее солнце мне свидетель,
В глазах моих блестит
Блаженный и жестокий
Зверя взор,
От многих опасностей я увернулся
Бежа по следам
Горячей жертвы,
Таковым является
Вера и поверие святых волков!..
Я не верю в клятвы,
Но знаю, что
Полна сия чаша, которую
Я защищаю
Как страж Святого Грааля,
Ведь я же волк!

Я испытать хочу
Цену бдения
Иль в горло вцепиться,
Коль воля
Будет мне дана...
Я эти звуки
Тучами,
Воем отгоняю к небесам!
Мой брус – дороги длинные
Святой Боже
Я заложник таланта своего
И страж его
(ა)უუუუუუუუუუ
Прими мольбу мою искреннюю
Святую...

ზვიგენი

როცა კულტურა თვლემს,
ეს კოლაფსია ლექსის,
ვაჟლერებ ყელში ხემსსს
გახურებული ნემსით,
როდესაც ეს ხმა ცვლისსს
გარშემო ყველა წესსსს-
ტემბრრრრრი ტააატით ხრის,

დამორჩილებულ ლექსსს,
 ხმალივით წივის ხმაააა—
 დაეძებს ხორხში ხემსსსს,
 კულტურა არის ზღვა!
 ფსკერზე ზვიგენი თვლემსსს
 (თვლემსსს)
 (თვლემსსს)
 (თვლემსსს)

Акула

Когда дrrრremлет культурра
 Это сssстиха коллапссс
 В горrrრle ззззвeнит ссструна
 Ррразгоряченной иглой
 Голос взметаeт в высссь
 Все законы кrrрругом
 Тембrrrrrrr гарrrрцуeт поник
 Покорrrренный ссстих
 Голос сssсвистит как меч
 Ищeт в горrrрle ссструну
 Культурrrrrра это морrrре
 Акула дrrrrremлет на днe...
 (Дrrრremлет
 Дrrრremлет
 Дrrრremлет)

ოდდა მის უდიდებულესობას სამოქალაქო საზოგადოებას

მაქე და მერიდე!
მომზადე ჩემთვის კუთვნილი
ბრინჯი და ხორბალი,
ველიდან ველამდე — ველიდან ველამდე
სადაც ცელები ცეცხლს აქრობენ
ოქროს თავთავში
მაქედან მერიდე!
როცა ქარები მივარცხნიან
თმას მღელვარებით,
მაქედან მერიდე!
აღესე ცელი და იმეორე
ათი სტრიქონი ჩემი ლექსიდან,
მაქედან მერიდე!
წმინდა ხმაურში, წრფელ ხმაურში, უხმო ხმაურში,
ბევრი ხელი მაქვს ვინც მოითხოვს
სიტყვის უფლებას!
ველიდან ველამდე — ველიდან ველამდე
როცა ცელები ცეცხლს აქრობენ
ოქროს თავთავში —
მაქე და მერიდე!
მაქე და მერიდე!
მაქე და მერიდე!

Ода Его Величеству Гражданскому Обществу

Хвали меня и сторонись!
Приготовь мою долю
Риса и пшеницы,
От луга до луга – от луга до луга
Там, где косы тушат огонь
В золотом колосе.
Хвали меня и сторонись!
Когда мне ветры расчесывают
Волнуясь волосы,
Хвали меня и сторонись!
Наточи косу и повторяй
Десять строк из моего стиха.
Хвали меня и сторонись!
В святом шуме, искреннем шуме, беззвучном шуме
Много рук, которые просят
Право слова!
От луга до луга – от луга до луга
Там, где косы тушат огонь
В золотом колосе.
Хвали меня и сторонись!
Хвали меня и сторонись!
Хвали меня и сторонись!

Переводы с грузинского Инны Кулишовой

САРИШВИЛИ ВЛАДИМИР (ГРУЗИЯ)

Родился в 1963 г. Поэт, переводчик. Кандидат филологических наук. Член Союза писателей Грузии. Член Федерации журналистов Грузии. Президент Ассоциации русскоязычных литераторов Грузии «Новый современник». Лауреат Республиканского конкурса на лучшую рецензию на эссе Джорджа Сороса «Опасность капитализма». Обладатель международного сертификата журналистов FOJO (2003). Лауреат Пушкинского конкурса педагогов-русистов СНГ (2003). Лауреат конкурса эссе Кавказского демократического института на тему «Я и абхаз». Дипломант конкурса Посольства Армении в Грузии. Лауреат Международного конкурса Фонда Ельцина в номинации «Мэтр» (2008).

Не говори мне про Париж –
Меня с ума ты этим сводишь,
Ведь там по улицам не ходишь,
А там по улицам паришь...

О, золотеющий каштан
В старинном дворике отеля,
А рядом с ним кафешантан,
И песни мадемуазель Лоран,
И песни мадемуазель Адель,
Но хочется сказать – Адели...

Не вспоминай – я все отдам,
Чтоб оказаться снова в сквере,
И посмотреть на Нотр-Дам,
И посмотреть в глаза химере.

И снова выпить «Шардене»
Под тентами на Монпарнасе,
И поболтать о старине
С художниками на террасе.

Не говори мне про Париж –
Меня с ума ты этимводишь,
Ведь там по улицам не ходишь,
Ведь там по улицам паришь...

И если мне не суждено
Его увидеть – бита карта,
Ты выпей за меня вино
На старом кладбище Монмартра.

2005

Человечек мой ласковый!
Я вчера перепил,
Руки-ноги колбасками
Я тебе прилепил,

И уродцем коричневым
Ты стоишь на столе.
Нет фигурки комичнее
На кровавой Земле.

Человечек мой, греющий
Мира мерзлую суть,
Я твой бог, не умеющий
Душу в тельце вдохнуть,

От бессильного отчества
Ты не сыщешь добра,
На твое одиночество
Евы нет из ребра.

Человечек мой, слепленный
Сикось-накось, в канун
Вознесения светлого,
В звоне ангельских струн,

На фольге и закончится
Бренной жизни тропа,
Но бессмертно сотворчество
Божества и раба.

2001

Полководец и бабочки

Туча бабочек вспорхнула. Я спугнул их ненароком.
Кое-где видны остатки римских тщательных работ.
Здесь прошли войска Помпея, сам Помпей в плаще широком,
Сидя ночью на привале, слушал сальный анекдот.

Сам Помпей в плаще широком, или что там было в моде,
Поутру поход продолжил, о возлюбленной грустя,
И не знал великий воин о филологе Володе,
Тучу бабочек спугнувшим, пару тысяч лет спустя.

Зной палил макушку Гнея, под которой роились
Планы будущих сражений и злокозненных интриг.
Дружно топали солдаты, ели, пили и рубились,
Но нашла коса на камень – Юлий Цезарь – не шутник.

Впрочем это к нашей теме не имеет отношения –
Вот остатки той дороги – осыпь – труд солдатских рук.
А над ней порхает туча новогодних украшений –
Конфетти, гирлянды, бусы в хоровод сплелись вокруг.

1996

Закончится день суеты, перебранок,
И вечер ступить не успеет на пост,
А ты уезжаешь – вставать спозаранок,
И снова меж нами невидимый мост.

А ты уезжаешь, а мы не успели
Согреться, натешиться, сбросить напруг,
Не спится, не спится в оковах постели,
Декабрь наступает, чужой, как варяг.

И нет нам приюта, и нет нам ночлега,
Как сеттер нашкодивший, ветер затих.
И осень уснула в объятиях снега –
Так ты бы уснула в объятиях моих.

2004

Исповедь журналиста

Как неудобно мне, обидно и неловко...
Сейчас я объясню. Наверно, дело в том,
Что жизнь моя прошла под скучным заголовком
И набрана была неправильным шрифтом.

Какой туманный стиль, какой неясный почерк,
Какой унылый фон, какой фальшивый тон...
Никак не разберу – опубликован очерк,
А может, репортаж, а может, фельетон.

2004

Автопортрет

Один мазок до сходства, до сродства,
Но свет иссяк, и вечер вполз на стекла.
Последняя декабрьская листва,
Растоптанная в месиво, промокла.

И виноградник буйный облетел
Под Рождество, а я и не заметил,
Он так был щедр, так беспощадно светел,
Что вечностью, казалось, овладел.

Один мазок... Душа моя, прости.
Темно. Я не успел тебя спасти.

1988

СИНЕЛЬНИКОВ МИХАИЛ (РОССИЯ)

Родился в 1946 г. Поэт, переводчик. Автор девятнадцати стихотворных сборников, в том числе, однотомника избранных произведений (2004) и двухтомника (2006). Являлся одним из переводчиков издательства «Мерани», перевел стихи 40 грузинских поэтов. Стихи регулярно печатаются в литературных журналах Москвы, вошли в антологии русской поэзии XX века. Переведены на многие языки мира. Лауреат многих российских и иностранных литературных премий, действительный член Российской академии естественных наук, Петровской академии, награжден серебряной медалью Ивана Бунина, армянской золотой медалью «За литературные заслуги», таджикской золотой медалью «Знак слова» и рядом других наград, грузинской литературной премией имени Георгия Леонидзе, а также орденом Святой Нины IV степени.

Шарден в Тифлисе

Закрой глаза! Полнеба – за порогом,
Вся в радугах подзорная труба.
Ты слышишь, осушают рог за рогом,
Торгуют богом и пекут хлеба.

Татары, турки, персы и армяне.
Дары волхвов. За облаком седым —
Копытный цокот, музыки зиянье,
Коленчатый, волнообразный дым.

И мысль пойдет за каждым иноверцем,
Скользнет, свиваясь в дымное кольцо.
Там за углом... Балконы с красным перцем,
Пугливое, прекрасное лицо.

Но что твоя смешная серенада!
Все это — ложь и серная вода.
Я проведу тебя кругами ада,
Подземные открою города.

Глубокий погреб той грузинской речи,
Где никнет хмель и глохнет лития,
Уходят уплывающие свечи
За цветковые пятна бытия.

И в этом закипающем прибое
Еще сольются в пенный океан
Персидское лилово-голубое
И серебро гиперборейских стран.

Но есть у нас кузнечный цех и рынок.
И под гербами Солнца и Луны –
Семи стихий условный поединок,
И меры веса, тяжести, длины.

Но есть еще истертая циновка,
Упорный молот, огненная печь,
Высокая, бесовская сноровка
Лаваш и меч из пламени извлечь.

Так вот они искусства атрибуты
Под сводом вулканических небес...
Теперь гляди, смотри, не перепутай
Удара тяжесть и удельный вес.

1976

СТРОЦЕВ ДМИТРИЙ (БЕЛОРУССИЯ)

Родился в 1963 г. Поэт. Окончил архитектурный факультет Белорусского политехнического института. Автор многих поэтических книг. Стихи включены в антологию «Освобожденный Улисс». Был участником арт-группы «Белорусский климат». Разработал концепцию и провел ряд фестивалей «Изустного Кино» (Минск, Копенгаген, Санкт-Петербург, 1988-1994). Участник совместного грузинско-белорусского проекта «Броуновское движение №4» (Тбилиси, 1988). Организатор международ-

ных фестивалей поэзии «Время и Место» (Минск, 1995, 1996). Куратор Фестиваля голосового стиха (Москва, 2005, 2007). Автор-исполнитель песен и танцев на свои стихи. Руководитель литературно-издательского проекта «Новые Мехи» (Минск), издатель поэтической серии «Минская школа». Член белорусского ПЕН-центра. Лауреат Русской премии 2008. Переведен на разные языки мира.

* * *

Дождь во мне – он идет, как идет
Я остался без крыши с утра
И теперь все равно, что вовне, что во мне
Или как там еще

Или сам я не тот за кого
Или вышел с утра из себя
И теперь целый дождь напролет
Жалко нету ни капли вина

Может быть из высокой страны
Приплывет величавый грузин
И в гортани посадит лозу
Я бы лучшего не пожелал

Может быть я и сам добреду
По такому дождю до тебя

Жалко нет головы у меня
Может вырастет после дождя

1988

* * *

Алексею Захаренкову

скажем, в орла
попадает стрела
или коса на камень нашла
или нашла коса на камень
хочется в рифму сказать: каблуками
или не в рифму сказать: посошок

рыбку посадишь в цветочный горшок
кудри отпустит, от рук отобьется
то подавай ей густой гребешок
то подпевай ей, когда распоеется
и потекаешь – а что остается

льется вино
виноградной строкой
счастье дано
и оно под рукой

сетовать совестно, комплексовать
ямочку прятать в бородку петушью
лучше в альбоме коня рисовать
белой свечой, несмываемой тушью

или отломятся велосипеды
высыпать в поле, попить из копытца
хочется в рифму сказать: на раздолье
и не толпиться, и не торопиться

между собой ни о чем говорить
время терять, материть президента
или с друзьями ковчег мастерить
или не в рифму сказать: будь что будет
нынешним утром кто нас разбудит

катенька тенькает
дяденька тренькает
на балалаечке
бьет барабан: т а р а б а м

рыбка, а срежется чуть каблучок
букой посмотрит, сожмется, отчается
идет бычок, качается
дичится дурачок

нет бы учить
иностранную речь
раны лечить
и патроны беречь

бодро светает – тбилисский петух
дивно ревет, простота иерихонская
удаляется звездный пастух
голова улыбается конская

1990

мы в Грузии, как в черной вазе
мы в Азии, как на гвозде
на остром, как тоска, алмазе
в невыносимой высоте

на этом острове, как в оспе
как в детской клятве на крови
мы утверждаемся в сиротстве
как объясняемся в любви

и в алой пасти, в самой бездне
над нами свет многоочит
и в поднебесье, как в болезни

сухая косточка стучит

Начало 90-х

Олегу Тимченко

делиси
белое вино
я сумасшедший уже все равно
я все равно
хочу в тбилиси
где так
безоблачно черно
и ржет окно
в пещерной выси

Август 2007

Инне Кулишовой

олени затмевают мир
зевая грозными глазами
они вызывают к Пиросмани
Нико поговори с людьми

Нико поговори с детьми
они пока играют с нами
пока невзрослыми слезами
капризный умывают мир

как просто вырастает Ленин
как быстро озверевает Сталин
они людьми пока не стали
пока прекрасные олени

пока колени преломив
Нико рыдает вместе с нами
святой ребенок Пиросмани
олень-страдалец меж людьми

10 июля 2008

я
провинциал
не бывал за границей
а тут предложили
место в танке
не удержался

побывали
поубивали
цхинвали гори поти

какие горы
какое море
какое горе

а это уже на всю жизнь
впечатлени
я

Сентябрь 2008

ТАРХАН-МОУРАВИ НИНА (ГОЛЛАНДИЯ)

Родилась в 1964 г. в Тбилиси. Поэт, переводчик, художник. Окончила Московскую художественную школу им. Сурикова. Окончила Грузинскую Академию художеств. С 1991 г. живет в Голландии, занимается литературой, живописью и графикой. Автор нескольких сборников поэтических переводов с русского на голландский. Составляет и переводит малую антологию грузинской поэзии. Пишет на русском и голландском языках.

Дорога в Телави

Ни взгорья отлогая челюсть,
Ни крепости зуб коренной,
Ни рощи печальная прелесть,
Что мне открывалась одной,

Ни пеной омытые глыбы
С форелью, встающей из вод,
Меня примирить не могли бы
С отсутствием друга. Но вот

Въезжаем, Кахетия, здравствуй,
По коже знакомая дрожь,
Из дальних, надуманных странствий
Ты нас заблудившихся ждешь.

Счастливые слезы струятся,
И небо, земля и вода

Двоятся в глазах и троются –
О, что мне мешает остаться,
Остаться с тобой навсегда.

1981

И.

Стекает мозг по камню, как желток,
И кость – не толще скорлупы яичной.
Старинного оружия знаток
Убит дешевой пулею фабричной.

Уже ползла по улицам война.
Шуршали шины. Лязгали ворота.
Старуха незнакомая, одна,
Все дожидалась, видимо, кого-то.

И я полночи, не смыкая глаз,
Прислушивалась – так и проглядела,
Как чья-то жизнь, прошедшая без нас,
Оборвалась и в небо улетела.

1991

ТИМОФЕЕВ СЕРГЕЙ (ЛАТВИЯ)

Родился в 1970 г. Поэт. Автор книг стихов. Участник сборника восточноевропейской поэзии «The Fine Line» (Лондон, 2004). Участник поэтического мультимедиа-проекта «Орбита». Одним из первых на постсоветском пространстве стал разрабатывать жанр поэтического видео. Попал в финал фестиваля поэтического видео «Zebra» (Берлин, 2001). С остальными участниками проекта «Орбита» получил Поэтический приз года в Латвии в 2005 г. за аудио-видео сборник «Орбита 4». В 2007 г. принимал участие в разработке поэтической компьютерной игры «Я – Текст». Участник международных поэтических фестивалей в Великобритании, Нидерландах, Швеции, Словении, Чехии и Словакии. Стихи переведены на многие языки мира. Шорт-лист премии Андрея Белого (2003).

Беседа

Красная девушка говорила синей:
«Я вчера была больной, сегодня стала
Послушной. Можете из меня
Делать пластиковые пакеты,
Можете меня отдать в посольство
Великой державы чистить что-нибудь
Ржавое. Удивительно безразличие
К собственной персоне, даже
Не хочется выйти купить новые чулки
Или китайский заводной бархат.

Хочется смотреть все время одну
Телерекламу, несложное мельтешение
Новых товаров, хочется слышать,
Как нахваливают их голоса актрис,
Чьи языки, устав от искусства счастья,
Ломаются у них во рту, как льдинки.
Поверишь ли, вчера вышла из дома
И остановилась посреди двора, стояла
Так минут двадцать. В общем могла
Бы и улететь в космос, как собачка
Безропотная. То ли жизнь моя из меня
Уходит, то ли это новая эра, даже
Плюшевые игрушки мне не милы».
Говорила синяя девушка красной:
«Все верно, все очень похоже,
В супермаркетах как на Луне,
И я гуляю, длинными ногтями
Касаясь краешков огромных коробок.
Это болезнь поражает девушек
И только, мужчины от нее
Лечатся боксом, табаком, водкой,
А то бы и они треснули по швам,
Вывернулись бы наизнанку, оглохли».
Сидели две девушки и говорили,
Всегда спокойно, всегда о важном,
А вокруг стояли сонные вещи,

Уставшие столики, пьяные кресла.
Это было в одной большой квартире,
Чьи окна выходят на улицу в центре,
В центре города, города у моря,
Серого моря, зеленой воды.

ХЕРСОНСКИЙ БОРИС (УКРАИНА)

Родился в 1950 г. Поэт. Окончил Одесский медицинский институт. Участвовал в диссидентском движении. Сотрудничал в ряде эмигрантских изданий. Заведует кафедрой клинической психологии Одесского национального университета. Печатается с 80-х гг. Автор книг стихов, переводов, литературной эссеистики, а также переложения библейских текстов, собранных в «Книге хвалений» (1994) и сборнике «Поэзия на рубеже двух заветов. Псалмы и оды Соломона» (1996). Лауреат IV Международного конкурса имени М. Волошина (2006), дипломант конкурсов «Сетевой Дюк», «Солнечный город». Член редколлегии журнала «Крещатик» с 1998 г. Шорт-лист премии Андрея Белого. Лауреат стипендии имени Иосифа Бродского.

Страна

Деревья растут из трещин в теле огромных скал.
Реку скорее слышишь, чем видишь. Близится ночь.
Синева загустела. Зной понемногу спал,
Но трудно дышать. И тут – ничем не помочь.

Твои же ребра, что обручи, железом стянули грудь.
Твоя же плоть душу в колодки берет.
Как же я дальше буду? А ты – не будь!
О чем ни подумаешь, жизнь сделает наоборот.

Горизонт изломан хребтами разрушенных гор.
Бог есть любовь, но также – чувство вины.
Надмирный, холодный, безупречный небесный хор
прерывается горестным возгласом из глубины.

Местность, слишком правильная для того,
чтобы быть настоящей. Среди декораций сам
становишься куклой. Чиркнут спичкой, и ничего
не останется – лишь дымок полетит к небесам.

*

Мы среди тьмы становимся частью тьмы, а потом
среди пустоты, распадаясь, становимся пустотой.
На горе восьмигранный храм с золотым крестом.
Горный поток корчится у ангела под пятой.

*

Этот мир осужден
прежде чем был рожден.
Все мы осуждены,
прежде чем рождены.

Нас железом сковал Закон.
Благодать в терновом венце.

Под горой, под пятой рокочет Дракон.
Ничего не прочтешь на холодном лице
Облаченной в Солнце Жены.

Этот город ставили прямо на склонах,
вырубая лес и застраивая площадки.
Красавицы молча сидели в проемах оконных,
расправляя черных одежд тяжелые складки.

Роняли мелкие, звонкие серебряные монетки,
монетки подпрыгивали, нищие их подбирали
пробовали на зуб, оставляя по краю отметки,
складывали в мешочек, старились и умирали.

Молодая гора и та – сгорбилась и ослепла,
а раньше взором долину охватывала до края.
Город часто горел, но камень под слоем пепла
выживал, возрождался и снова горел, не сгорая.

И поныне, бродя по улочкам кособоким,
чувствуешь: жар поднимается, как над кострищем.

И красавицы в черном молча глядят из окон,
улыбаются всадникам и бросают монетки нищим.

Во дворе находился штаб
одного из местных царьков.
Танк стоял посреди двора,
вертел пронумерованной головой,
пушка подымалась и опускалась.

Старшеклассники с автоматами
ходили взад и вперед
и чему-то смеялись.

Вина хватало на всех.

Когда начинали стрелять,
люди, не ускоряя шага,
втягивали голову в плечи
и подымали воротники.

Старуха, разбитая параличом,
лежала на диване,
присыпанная штукатуркой
и осколками стекла:
пуля угодила в портрет

ее молодого брата,
тоже погибшего на войне.

Время спотыкалось и останавливалось
каждую минуту,
по крайней мере
для некоторых людей.

Справедливость росла и крепла
как огромное дерево
посредине площади, на которой
вот уже третий месяц
шли бои, для простоты называемые
вооруженным противостоянием.

Каменный храм. Внутри – деревянный крест
огромный, весь изукрашенный тонкой резьбой.
Славно поют монахи. А властитель один как перст.
Разбежалась охрана. В округе – смута, разбой.

Он, конечно, не трус, но пока – при своем уме.
На ночь глядя, идти одному по горной тропе –
себя погубить. Но лучше от кинжала во тьме,
чем среди бела дня попасть в руки толпе.

Лучше уж волку в пасть или так пропасть,
лучше схиму принять и во дворец – ни ногой.
Знать бы кто ты такой. Если отнята власть,
ты уже не властитель, а некто совсем другой.

И где бы найти врага, чтобы брата ему предать?
Как вернуть людей в города, что насмерть разорены?
И какому Богу молиться, чтоб снизошла благодать
на обломки твоей, верней, оскверненной тобой страны?

Скрюченный алфавит. Выпрямленный клинок.
Виноград в углублении камня. Пара босых ног
Топчет синие гроздья. Стекает сок
По наклонному желобу и уходит в песок.

Пергамент рукописей. Орнамент ковров.
Воров с крепостной стены сбрасывают в ров.
Город всегда в осаде. Закон суров.

Восьмигранные храмы. Колпаки-купола.
В зеленой траве гуляют серые перепела.
Рынок в каменном русле, где раньше река текла.

Каменный мост дугой схватывающий берега.
Дальше пологий склон, куда не ступала нога
Человека, а если ступала, то это нога врага.

Кровь уходит из жил, мир уходит из глаз,
Святая гора насторожилась и напряглась,
Гул в ушах, и молитва на устах запеклась.

Боже, взываю к Тебе. Боже, услышь мой глас.

Святая лежит в земле,
прижав Господень хитон.
Храм стоит на скале.
Скала испускает стон.

Над храмом древесный ствол
стоит, лишенный корней.
Дикий цветок расцвел
военной ночи черней.

Черный цветок кровит.
В черных его лучах
Нина, Тамара, Давид
держат мир на плечах.

Арагви – название реки.
Мерани – крылатый конь.
Нет надежной руки –
остановить огонь.

Август, 2008

городок процентов на двадцать состоит из руин
население из убитых процентов на десять подсчет
занимает годы вечером граждане как один
выбираются в парк посмотреть как вечность течет
славное зрелище лучше страшнее чем вид с колеса
обозрения в высшей точке чувствуешь как сосет
под ложечкой видишь как отверстые каменные небеса
пересекают по диагонали несколько сот
ангелов воинов сияют крылья обнажены мечи
вечность после разлива возвращается в берега
оставляя такое что господи не учи
как пережить потери считаешь и вся недолга

Август, 2008

ЧАРКВИАНИ ДЖАНСУТ (ГРУЗИЯ)

Родился в 1931 г. Поэт, публицист. Окончил ТГУ, факультет журналистики. С 1959 г. издал 30 поэтических сборников, книги прозы и эссе. Переводил классическую и современную русскую поэзию. На стихи создано более 70 песен. Стихи переведены на многие языки мира. В течение многих лет был президентом общества «Тбилисели», главным редактором журнала «Цискари», детского журнала «Дила», первым секретарем Союза писателей Грузии и директором издательства «Сакартвело». Был первым президентом грузинского ПЕН-центра Всемирного ПЕН-клуба. Три раза избирался депутатом Парламента Грузии. Лауреат Государственной премии им. Шота Руставели, премии Галактиона Табидзе, лауреат премии журнала «Огонек», лауреат премии им. В. Маяковского. Почетный гражданин г. Тбилиси. Награжден Орденом Вахтанга Горгасала I степени.

«Венера» Сандро Боттичелли

3.Нижарадзе

И по волнам текут мерцающие тени,
О Солнце, ты ушло на дно моей души!
Ты выше сил моих, как призрак сновидений,
Так испытай меня
И узами свяжи...

Быть может, я давно, как мрамор архитрава,
Стопами в глину врос и стал горбом земли,
Проснется в жилах жар, меня обуглит лава,
Чтоб очи милый лик запомнить не смогли.

Быть может, у меня есть для тебя так много
Благословенных слов, бредущих за тобой.
Коснись моей груди, плесни вина из рога
На трезвые стихи и вызови прибой.

И волосы твои пшеницы золотее,
От глаз и алых роз, и лавровых ветвей
Весь обессилен я, и пригнетен к воде я,
Как белый альбатрос над бездною морей.

О Солнце!
Я иду по рубежу, по краю
Миража или сна сквозь марево огня,
И умираю я, и руки простираю,
А ты вдали, вовне...
Не смотришь на меня.

И солнечных лучей меня пронзают жала,
И жизнью внеземной душа моя полна.
...Меж небом и землей всем телом задрожала,
Наклонясь над раковиной дна.

Бетания

*Бетания – обитель смирения,
и обитель покорности, и обитель славы.*

Сулхан-Саба Орбелиани

Ты не видел
глаз моих, взгляда, что музыкой болен,
рук моих, плеч моих, обезумевших от бессонницы,
опьяненных отзвуками далеких колоколен,
потрясенных топотом ослепительной конницы.

Ты не видел
мои туманы, облаком светлым
на ястребином крыле проносимые над пустынею,
не ведал, как наполняются белым ветром
дни, как тело Христово, рубиново-синие.

Ты не видел
живописи четырехмерного мира,
сияния жар-птицы, цвета пера голубиноного.
Как пропитываются ароматами светлого мира
хрупкие стены тела моего, любимого.

Ты не видел, так приди...
Великолепна капитель
тела моего, плоти, страны обетования.
Я – смирения твоего обитель,
я – покорности твоей обитель,
я – тела твоего Бетания.

Переводы Михаила Синельникова

ЧИХЛАДЗЕ ДАВИД (ГРУЗИЯ)

*Родился в 1962 г. Автор поэтических сборников «Блуждающие кап-
ли» (2001), «Декабрьские ночи» (2008) и «Книга реальности» (2002, на
русском языке), а также романа «Feminine-Feminine» (2007). Перевел
многих американских поэтов и теоретиков. С начала 80-х гг. регулярно
печатается и как арт-критик. Участвует в разных художественных
акциях и инсталляциях, в театральных и кинопроектах в Грузии и
за ее пределами. С 1994 г. по сегодняшний день руководит Тбилисским
Театром перформанса Марго Кораблевой.*

თბილისი

– რაღა დამრჩა ამ ცხოვრებაში, სადაც არ არის კონკა,
საცოლენი და საქმრონი მიმოდინ ელვის სისწრაფით გარიჟრაჟზე;
დღეს შალვა ავიდა შიმღვიმეში და ამ გაზაფხულს იქ შეხვდება;
დღეს კარლოს ორჯერ ახადეს თავის ქალა მის საყვარელ
და საზარელ თბილისში 90-იანი წლების, ღარიბულ

კვარტალში ფაბრიკებისა და მსოფლიო ინდუსტრიის
სანაგვის.

ღრმელე, – რაღაც ძალიან ჰგავს ეს სიტყვას: «იმღერე»,
თუნდაც შოთას სიმღერა მისი და შენი ავადმყოფი ქალაქის,
რომელშიც აღარაფერი დამრჩა – არც ქვეყანა, არც
საცხოვრისი ადამიანთა და თითქმის აღარც ეს
უმწეო ძაღლები ვაგზლის მოედნიდან გასაპნულ ღამეში
გადასულნი ან ასეთივე გოგოები გასაპნულ სარკეში ტუალეტ-
საშხაპე-აბაზანების.

იმღერე, მიუძღვენი მერე ეს სანდროს, რომელიც მაინც
დაკარგულად უნდა ჩათვალო ახლა ალბათ.
მიუძღვენი ეს სიმღერა აბანოებს, სადაც მზის სხივი ეთამაშება
ღია სარკმლიდან წყალს, ჭუჭყს და საპნის გალეულ ნაჭერს
ქვის იატაკზე, –

ვილაც ტყნაურობს საკუთარ სქესთან,
ყოველი კაცი არის
მარტო და უსასოო ანგელოზი;
თბილისი, საიდანაც გარბის ბუნება, პეიზაჟები, სანახები
ოდესღაც ძვირფასი მოპყრობების და
ურთიერთობის.

საიდანაც გარბის წუთები, სახეები და თვით ხსოვნაც
ამ სახეების.

სადაც მინისტრი არის გიჟი, ასეთივეა კოცნა, ფული,
ზრუნვა, მგზავრობა და შენც
გიჟი ხარ ამის მერე;
სადაც ნაგავი სანაგვეებს მილიარდჯერ აღემატება და

ცის ლაჟვარდებს თავს ვერ აფარებს
ვერც ერთი ჩიტი.
მითხარი, რამე დაგაკავებს, რომ დაკარგო
ის, რაც ძალიან გიყვარს, განა გეტყვის ვინმე: «შეჩერდი, აი, ხედავ
იმას გული აქვს, ამას – თვალები»;
დაიმახსოვრე, ეს შენი საძმო, სადაც იყო კარლო, სანდრო,
შალვა, შოთა, მრავალი ქალი და ჰანგი ბავშვური –
აღარასოდეს, აღარასოდეს შეიკრიბება.

Тифлис

Что остается в жизни, где нет конки,
Где суженые проносятся молниеносно на рассвете;
Сегодня Шалва поднялся в Шиомгвимы, встречать весну;
Сегодня с Карло два раза снимали череп в его любимом
И ужасающем Тифлисе 90-ых, в бедном
Квартале, в мусорной яме фабрик и мировой индустрии, Грмагеле,
Грмагеле — очень похоже на слово: имгере.
Взять хотя бы песню Шота о нашем больном городе,
Где ничего не осталось — ни государства, ни
Жития и даже
Беспомощных собак, перебегающих с вокзальной площади
В замыленную ночь. Не осталось таких же девок в замыленных
Зеркалах туалетов и душевых.
Пой, посвети это Сандро, которого
Уже можно считать потерянным.

Посвяти эту песню баням, где солнечный луч играет
С водой из открытой форточки, играет с грязью и растаявшим
куском мыла
На каменном полу,
Кто-то поет, кто-то сношается с однополым,
Ибо каждый человек
Одинокий и беспомощный ангел;
Тифлис, откуда бегут природа, пейзажи, картины
Давних и драгоценных воздаяний.
Откуда бегут минуты, лица и даже
Память о них.
Где министр безумен так же как поцелуи, деньги,
Забота, путешествия и ты
Становишься таким же безумным;
Тифлис, где мусор превосходит по количеству свалки
И ни одна птица не находит укрытия
В небесной сини.
Скажи, разве кто удержит тебя от того, чтобы
Потерять возлюбленное тобой, разве скажет кто:
«Постой, вот видишь у него — сердце, глаза — у этого».
Помни, братство твоё, в котором были Карло, Сандро,
Шалва, Шота, множество женщин, детские звуки —
Никогда больше не возвратится.

+

+ ღამის მუშტაიდში ინთება ნეონები + შეხვედრა + ბალი + ჩემი
 თბილისელი მეგობრები როგორც 0 მსოფლიო ომის ვეტერანები +
 კარლო კაჭარავა და ნიკო ლომაშვილი + ნიკო ცეცხლაძე + შალვა
 ყვავილი ფანცულაია + მამუკა ცეცხლაძე + სახლი სანდრო კობაური
 + სიურსექსინდუსტრეალიზმი + მე თვითონ, დავით ჩიხლაძე +
 ირაკლი (ლენა) ჩარკვიანი + კოტე («დადა»)(დადიანი)ყუბანეიშვილი
 + ქეთინო სადღობელაშვილი + რაკეტა ნასტია ხვოსტოვა + მეტრო
 + გელა პატიაშვილი + ქეთი მესხი საბავშვო რკინიგზა + გემი + მეგი
 ბურჭულაძე + მომ მომანევენე მარიხუანა ეშმაკური გაღიმებით +
 რადიო თბილისის ცუდი და კარგი + მამუკა ჯაფარიძე + 4 აკორდი ჩვენს
 ინსტრუმენტებზე + გია ჭილაძე + კობა კობაურის ნაზი გიტარა + ორი
 ვარსკვლავი + ოლეგ ტიმჩენკო + მანანა არაბული (ფოტოაპარატი)
 ქეთი კაპანაძე + ორი ხე + მამაჩემი არარაობაში კატა ბრუნო ბარს
 ეგოფი არარაობაში სამი თუთიყუში ზამთრის არარაობის მეგის
 მამა ყველა ყოფილი ნივთი არარაობის დიდი ზღვის ოთახში + ძველი
 და პოსტძველი თბილისი დანგრეული დიდი კალბასების* მიერ +
 მოვდივართ სტაფილოსა და პილპილის მაღალი ქარხნების შუა გამავალ
 ქუჩაზე + ჩანს მზე + ფეხს ვადგამთ ინდუსტრიულ თუნუქის ნაგავს,
 ნაჩუქარს და არნაჩუქარს + გვახსოვს + გია ძიძიკაშვილი + მოსკოვი +
 თურქეთი + გურამ ნიბახაშვილი + ვოვა ჟელეზოვი + ნახტომი აივნიდან
 + პარაშუტი + ფეხების მოხრა + დაშვება + მუხლების გამართვა +
 გახედვა მარჯვნივ ოდნავ მაღლა + მზის ამოსვლა + მოდის მანქანა
 თავახდილი მოსკვიჩი ან ძველი შევროლეტი ნითელი ფერის + ესპანური
 მუსიკა + დიდი ფანჯრების გაღება დიდ სოფელში + დიდი სოფლელები

იცინიან დიდ ხმაზე + გაფენილია დიდი სარეცხი + დიდი მთებიდან
დაეშვა დიდი ქარი + ჯოხარტი + ყავა ფუნთუშა ნესვი საზამთრო +
ცივა თოვს + წითელი მოედანი + მოვაბიჯებთ ინდუსტრიულ ნაგავზე
+ მზე მოგვეყვება ზემოთ + სიტყვები, საყვირები + ოქრო + სხეული +
მძივები + სიცოცხლე მეგობრობა თავისუფლება.

+

+ночью в муштайдском парке горят неоны + встреча + сад + мои
тбилисские друзья будто ветераны нулевой отечественной войны
+ Карло Качарава и Нико Ломашвили + Нико Цецхладзе + Шалва
цветок Панцулая + Мамука Цецхладзе + дом Сандро Кобаури +
сюрсексиндустриализм + я сам, Давид Чихладзе + Ираклий (Лена)
Чарквиани + Котэ («Дада» Дадияни) Кубанеишвили + Кетино Сад-
гобелашвили + ракета Настя Хвостова + Метро + Гела Патиашвили +
Кети Месхи детская железная дорога + корабль + Меги Бурчуладзе +
дай затянуться косяком с лукавой улыбкой + радио Тбилиси отврати-
тельное и прекрасное + Мамука Джапаридзе + 4 аккорда на наших
инструментах + Гиа Чиладзе + нежная гитара Кобы Кобаури + две
звезды + Олег Тимченко + Манана Арабули (фотоаппарат) Кети
Капанадзе + два дерева + мой отец в небытие кот Бруно Барс Эгоф
в небытие три попугая зимнего небытия отец Меги все бывшие
предметы небытия в комнате большого моря + старый и постстарый
Тифлис порушенный большими колбасами + идем по улице между
высокими заводами моркови и перца + видно солнце + наступаем

на индустриальный оловянный мусор, подаренный, а может и нет +
помним + Гиа Дзидзикашвили + Москва + Турция + Гурам Цибакаш-
вили + Вова Железов + прыжок с балкона + парашют + сгибание ног
+ приземление + выпрямление коленей + взгляд направо и немного
наверх + восход солнца + едет старый москвич или старое красное
шевроле + испанская музыка + отпирание старых окон в большой
деревне + большие деревенские жители громко смеются + развешена
большая стирка + спустился с горы большой ветер + джох-арт* +
кофе булка дыня арбуз + холодно снег + красная площадь + шагаем
по индустриальному мусору + солнце сверху следует за нами + слова
и горны + золото + тело + бусы + жизнь дружба свобода.

* Джох-арт (буквально: «палочный арт») — неологизм.

Переводы Кети Чухрукидзе

ШУЛЬПЯКОВ ГЛЕБ (РОССИЯ)

Родился в 1971 г. Окончил факультет журналистики МГУ. Автор книг стихотворений «Щелчок» (2001) и «Желудь» (2007), сборников путевых очерков «Персона Grappa» (2002) и «Дядюшкин сон» (2005). Первый роман «Книга Синяна» вышел в 2005 году, второй, «Цунами», в 2008. Автор путеводителя «Коньяк», многочисленных литературных эссе и заметок для московской периодики. Переводил английскую поэзию. Автор пьесы «Пушкин в Америке» (лауреат конкурса «Действующие лица-2005») и «Карлик» (постановка — Театр Маяковского, 2004). Почетная премия «Триумф» в области поэзии (2000). Возглавляет литературный журнал «Новая Юность». Живет в Москве.

«Послушай, как там дальше, я забыл?
что стало с мотыльками?» –
«Она спала,
когда он улетел на север
и больше никогда ее не видел» –
«Я так и знал!..
и вообще, давно хотел заметить:
печальные вы тут поете песни...» –
«Запомни: в Грузии печальных песен нет.
Они всего лишь кажутся такими,
поскольку ничего под этим небом
бесследно не проходит» – «Даже я?» –
каштан упал и медленно катился –
«Конечно» – «Я не верю» – «Сам увидишь»

во мне живет слепой, угрюмый жук;
скрипит в пустой коробке из-под спичек
шершавыми поверхностями штук
хитиновых – и кончиками тычет –
ему со мной нетесно и тепло
годами книгу, набранную брайлем,

читать в кармане старого пальто,
которое давным-давно убрали

* * *

моя стена молчит внутри;
на том конце стены горит
фонарь или окно без штор –
отсюда плохо видно, что
я слышу только скрип камней
прижмись ко мне еще плотней
кирпич бормочет кирпичу –
стена молчит, и я молчу

* * *

гуляет синий огонек
в аллее дачного квартала –
не близок он, и не далек,
горит неярко, вполнакала
как маячок среди стропил
того, кто прошлой ночью эти
на землю сосны опустил
и звезды по небу разметил –
стучит и крошится мелок,
летит в небесное корыто;

он это маленький глазок
за дверь, которая закрыта

* * *

прозрачен как печатный лист,
замысловат и неказист,
живет пейзаж в моем окне,
но то, что кажется вовне
окна, живет внутри меня –
в саду белеет простыня,
кипит похлебка на огне,
который тоже есть во мне,
и тридцать три окна в доме
открыто на меня – во тьму
души, где тот же сад, и в нем
горит, горит сухим огнем,
что было на моем веку
(кукушка делает «ку-ку») –
и вырастает из огня
пейзаж, в котором нет меня

რეზიუმე

კრებულში წარმოდგენილია შემოქმედება მონაწილეთა საერთაშორისო რუსულ-ქართული პოეზიის ფესტივალისა, რომელიც ორგანიზებულ იქნა საერთაშორისო კულტურულ-საგანმანათლებლო კავშირის „რუსული კლუბის“ მიერ რუსულენოვან მწერალთა საერთაშორისო ფედერაციასთან ერთად და მიმდინარეობდა საქართველოში 2008 წლის 17-26 ივლისს. ფესტივალი ჩატარდა მეორედ, და წელს მის მონაწილეთა გეოგრაფია მნიშვნელოვნად გაფართოვდა, მსოფლიოს 25-ზე მეტი ქვეყნიდან ჩამოვიდნენ უცნობილესი რუსი პოეტები: ნიდჟატ მამედოვი (აზერბაიჯანი), დმიტრი სტროცევი და ვალენტინა პოლიკანინა (ბელორუსია), ნადია პოპოვა (ბულგარეთი), ოლეგ ვოლოვიკი (უნგრეთი), ნინო თარხან-მოურავი (პოლანდია), ნატალია ლიტვინოვა (დანია), დავიდ მარკიში (ისრაელი), მარია იგნატიევა (ესპანეთი), ანელიზა ალლევა (იტალია), ბახიტ კენჟეევი (კანადა), სერგეი ტიმოფეევი (ლატვია), იური კობრინი (ლიტვა), ალბა ტორრესი (ნიკარაგუა), მაქსიმ ამელინი, გლებ შულპიაკოვი, ელენა ისაევა,

ალექსეი ალიოხინი, ზაურ კვიფინაძე, არტურ მაკაროვი, ელენა ივანოვა-
 ვერხოვსკაია, ირინა ლოპუხინა, ალექსანდრე გერასიმოვი (რუსეთი),
 ანდრეი გრიცმანი (აშშ), შამშად აბდულაევი (უზბეკეთი), ბორის
 ხერსონსკი (უკრაინა), ნიკიტა სტრუვე (საფრანგეთი), რიმა მარკოვა
 (შვეცია), ოლესია კანევა (ესტონეთი) და მრავალი სხვა. ფესტივალში
 აგრეთვე მონაწილეობდნენ წამყვანი ქართველი პოეტები: ჯანსუღ
 ჩარკვიანი, შოთა იათაშვილი, ზვიად რატიანი, ზურაბ რთველიაშვილი,
 დავით ჩიხლაძე, ნიკა ჯორჯანელი, მაყვალა გონაშვილი და სხვები.
 პოეზიის ფესტივალს ლოცვა-კურთხევა გაუგზავნეს სრულიად
 საქართველოს კათოლიკოს-პატრიარქმა ილია II-მ და მოსკოვისა
 და სრულიად რუსეთის პატრიარქმა ალექსი II-მ. ფესტივალში
 მიმდინარეობდა საქართველოს ოთხ ქალაქში – თბილისში, ქუთაისში,
 ბათუმსა და სიღნაღში – და დაუკავშირდა მნიშვნელოვან თარიღებს:
 რუსი პოეტის ვლადიმირ მაიაკოვსკის დაბადების 115 წლისთავსა და
 ქართველი მწერლის ნოდარ დუმბაძის დაბადების 80 წლისთავს.
 კრებულს თან ერთვის ფესტივალისადმი მიძღვნილი დისკი.

RESUME

In the collection the works of the participants of the International georgian-russian poetic festival is presented, organized by the International Cultural and Enlightening Union "Russian Club" together with the International Federation of Russian-speaking writers, held in Georgia from 17th till 26th July 2008. The Festival took place for the second time, and in this year the amount of the participants increased considerably, famous russian poets from more than 25 countries arrived: Nidjat Mamedov (Azerbaijan), Dmitri Strotsev and Valentina Polikanina (Belarus), Nadya Popova (Bulgaria), Oleg Volovik (Hungary), Nina Tarkhan-Mouravi (Holland), Natalia Litvinova (Denmark), David Markish (Israel), Maria Ignatyeva (Spain), Annelisa Alleva (Italy), Bakhyt Kenzheev (Canada), Sergei

Timofeev (Latvia), Yuri Kobrin (Lithuania), Alba Torres (Nicaragua), Maksim Amelin, Gleb Shulpyakov, Yelena Isaeva, Aleksei Alekhin, Saur Kvizhinadze, Arthur Makarov, Yelena Ivanova-Verkhovskaya, Irina Lopukhina, Alexander Gerasimov (Russia), Andrei Gritsman (The USA), Shamshad Abdullaev (Uzbekistan), Boris Khersonskiy (Ukraine), Nikita Struve (France), Rimma Markova (Sweden), Olesya Kaneva (Estonia) and many others; also leading georgian poets took part: Jansugh Charkviani, Shota Iatashvili, Zviad Patiani, Zurab Rtveliashvili, David Chikhladze, Nika Jorjaneli, Makvala Gonashvili and others.

Catholicos-Patriarch of all Georgia Ilia II and Patriarchy of Moscow and all Russia Alexy II sent their blessings to the poetic festival. The Festival took place in four cities of Georgia – Tbilisi, Kutaisi, Batumi, Signaghi – and was dated for the significant days: for the 115th anniversary of the russian poet Vladimir Mayakovsky and the 80th anniversary of the georgian writer Nodar Dumbadze.

A disc devoted to the festival is enclosed to the collection.

ЗА ЧЕТЫРНАДЦАТЬ ДНЕЙ ДО ВОИНЫ...

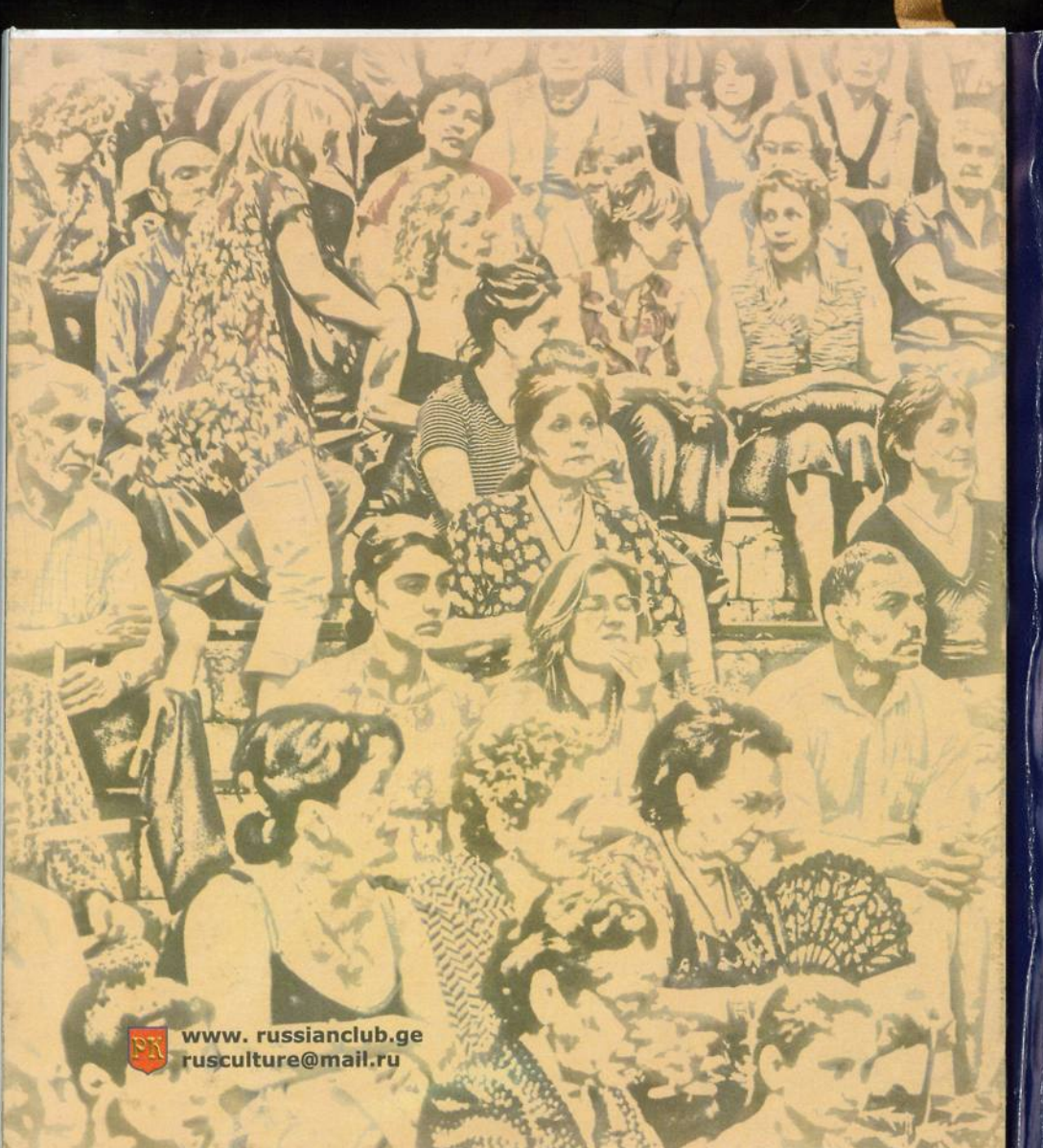
Руководитель проекта **НИКОЛАЙ СВЕНТИЦКИЙ**

Составитель **Инна Кулишова**

Над книгой работали
**Александр Сватиков, Арсен Еремян,
Вера Церетели, Алена Деняга**

Технический редактор **Давид Абуладзе**
Дизайн-верстка **Давид Элбакидзе-Мачавариани**
Перевод на грузинский **Ника Джорджанели**
Перевод на английский **Хатиа Элбакидзе-Мачавариани**
Фото **Гога Чанадири, Александр Сватиков**

© «Русский клуб», 2008 : текст, оформление, дизайн
www.russianclub.ge rusculture@mail.ru

www.russianclub.ge
rusculture@mail.ru